

Самая знаменитая вампирская сага XXI века
продолжается: «Сумерки», «Новолуние»!

Стефани Майер
НОВОЛУНИЕ

Сумерки

Стефани Майер

Новолуние

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Майер С.

Новолуние / С. Майер — «Издательство АСТ»,
2006 — (Сумерки)

ISBN 978-5-17-048565-9

Это вторая книга знаменитой вампирской саги («Сумерки», «Новолуние», «Затмение», «Рассвет»), возглавившая списки бестселлеров десяти стран. Влюбиться в вампира – страшно и романтично... Но потерять любимого, решившего ценой разрыва спасти свою девушку от роли пешки в вечном противостоянии кланов «ночных охотников», – это просто невыносимо. Белла Свон мучительно переживает исчезновение возлюбленного и безуспешно ищет забвения в дружбе с мальчишкой-индейцем Джейком Блэком. Она даже не подозревает, что ее лучший друг – порождение еще одного «народа Тьмы». Народа, куда более жестокого и опасного, чем аристократы-вампиры...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-048565-9

© Майер С., 2006
© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	26
Глава четвертая	39
Глава пятая	49
Глава шестая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Стефани Майер

Новолуние

Посвящается моему отцу, Стивену Моргану.

Ни один человек на свете не дарил мне столько любви и поддержки.

Папа, я тоже тебя люблю.

У бурных чувств неистовый конец,

Он совпадает с мнимой их победой.

Разрывом слиты порох и огонь,

Так сладок мед, что наконец и гадок:

Избыток вкуса отбивает вкус.

Не будь ни расточителем, ни скрягой:

Лишь в чувстве меры истинное благо.

«Ромео и Джульетта», акт 2, сцена 6, пер. Б. Пастернака

Пролог

Похоже, меня засосало в один из жутких кошмаров, в которых бежишь, бежишь так, что легкие разрываются, – а скорости все равно не хватает. Ноги двигались все медленнее и медленнее, я пробиралась сквозь безжалостную толпу, но стрелки часов на огромной башне не останавливались ни на секунду. С беспощадной стремительностью они лишали меня последних крупиц надежды.

Однако это не сон, не кошмар, и бежала я не ради себя, а хотела спасти нечто несравнимо более дорогое. Моя жизнь в тот момент не значила практически ничего.

Элис сказала: вполне вероятно, мы обе погибнем. Все сложилось бы иначе, не сдерживай ее ослепительный солнечный свет, а так через раскаленную площадь могла пробираться лишь я.

И то недостаточно быстро.

Вокруг смертельно опасные враги, но разве это сейчас важно? Когда часы начали бить и площадь под моими усталыми ногами задрожала, я поняла: поздно. И даже обрадовалась, что скоро погибну. Зачем жить, раз не успела и проиграла?

Снова раздался бой часов... Стоящее в зените солнце нещадно палило.

Глава первая

Вечеринка

Я была на девяносто девять процентов уверена, что сплю.

Уверенность основывалась, во-первых, на том, что ярко светило солнце. Такого вечно хмуром, залитом дождями Форксе, куда я недавно переехала, не было никогда. Во-вторых, передо мной стояла бабушка Мари. Она умерла шесть лет назад, и в том, что я сплю, не оставалось ни малейших сомнений.

Бабуля не изменилась: кожа на лице мягкая, морщинистая, тысячей мелких складочек натянутая на округлый череп. Совсем как печеное яблоко с пышным облаком седых волос.

Наши губы одновременно изогнулись в удивленной полуулыбке.

Старушка явно не ожидала меня увидеть.

Вопросов накопилась уйма: что она делает в моем сне? Чем занималась последние шесть лет? Встретилась ли с дедушкой? Как он?

Бабуля открыла рот одновременно со мной, и я решила: пусть заговорит первой. Но Мари тоже молчала, и мы смущенно улыбнулись друг другу.

– Белла!

Позвала меня вовсе не бабушка – мы синхронно обернулись посмотреть, кто к нам присоединился. Вообще-то я могла даже не оборачиваться: этот голос я узнала бы везде, узнала бы и откликнулась и во сне и наяву... наверное, даже после смерти. Ради этого голоса я пошла бы в огонь, воду или, более прозаично, целый день брела бы под мелким холодным дождем.

Эдвард!

Вообще-то я всегда радовалась, видя его, однако сейчас, даже уверенная, что сплю, я запаниковала, когда Эдвард двинулся к нам под палящим солнцем.

Ведь бабуля не знает, что я люблю вампира; вообще никто не знает. Как же объяснить, что солнце сотней тысяч радуг отражается от кожи Эдварда, будто его посыпали хрустальной пылью или алмазами?

Ну, бабуля, заметила, как переливается мой бойфренд? На солнце так всегда, не беспокойся...

Что Эдвард творит? Он специально обосновался в Форксе, где осадков выпадает больше, чем на всей территории Соединенных Штатов, чтобы выходить на улицу днем, не выдавая семейного секрета. А сейчас шествует ко мне с обворожительной улыбкой, словно на раскаленной площади больше никого нет.

Эх, почему на меня не распространяются его удивительные способности, почему мои мысли он не слышит отчетливо, как произнесенные вслух слова? Жаль, что не слышит он и предупреждения, которое я мысленно выкрикиваю.

Бросив испуганный взгляд на бабулю, я поняла, что снова опоздала: в глазах Мари тревога.

Эдвард, по-прежнему улыбаясь так, что мое сердце готово разорваться и выпрыгнуть из груди, обнял меня за плечи и посмотрел на старушку.

Однако Мари, вместо того чтобы ужаснуться, взглянула на меня робко, будто ожидая нагоняя. А поза... одна рука вытянута вперед и обнимает пустое пространство. Можно подумать, она держится за кого-то, кого-то невидимого...

Только потом, вблизи, я увидела вокруг бабули золотую раму и, по-прежнему ничего не понимая, протянула ей навстречу руку. Мари, словно копируя меня, сделала то же самое. Но наши пальцы не встретились, я коснулась холодного стекла.

Р-раз – и мой странный сон стал кошмаром.

Это не бабушка Мари.

В зеркале мое отражение. Это я – древняя, увядающая, морщинистая.

Эдвард в зеркале не отражался, хотя и стоял рядом, нестерпимо обворожительный и навсегда семнадцатилетний.

Красивые холодные губы прижались к моей щеке.

– С днем рождения! – прошептал он.

Я резко проснулась – глаза распахнулись, будто обладая собственной волей, – и вздохнула с облегчением. За окном вместо ослепительного солнца – до боли знакомый серый свет пасмурного утра.

«Это сон, – прошептала я, – просто сон, в какой-то степени пророческий», – и, не успев прийти в себя, чуть не подпрыгнула – зазвонил будильник. Маленький календарь в углу дисплея сообщил: сегодня тринадцатое сентября, мой день рождения, мне исполнилось восемнадцать лет.

Этого дня я с содроганием ждала несколько месяцев.

Целое лето – самое счастливое в моей жизни, самое счастливое во всей истории человечества – унылая дата маячила на горизонте, предвкусывая свой эффектный приход.

Теперь, когда этот день наконец настал, я чувствовала себя старой. Конечно, я старела ежесекундно, но сегодня старости придали некий официальный характер: мне исполнилось восемнадцать.

А вот Эдварду восемнадцать никогда не будет.

Посмотрев в большое зеркало ванной комнаты, я даже удивилась, не заметив перемен в лице. Разглядывая оливковую кожу, я пыталась обнаружить признаки первых морщин.

Это просто сон, напомнила себе я. Просто сон... а еще настоящий кошмар.

Чтобы скорее выбраться из дома, я пропустила завтрак. С папой мы все-таки столкнулись, так что целых пятнадцать минут я честно пыталась радоваться подаркам, которые просила не дарить, и чуть не плакала, вымучивая улыбку.

С трудом взяв себя в руки, поехала в школу. Лицо бабушки – о том, что это я, лучше не думать – не шло из головы. На душе было совсем скверно, пока я, припарковавшись на знакомой стоянке средней школы Форкса, не заметила Эдварда, застывшего у серебристого «вольво», словно мраморная статуя языческого бога. Так что сон всего лишь отражал реальность.

Отчаяние тут же сменилось удивлением. Мы встречались с Эдвардом целый год, а я все никак не могла поверить в свое счастье.

Рядом с братом стояла Элис Каллен.

На самом деле Элис с Эдвардом никакое родство не связывает (в Форксе считают, что их обоих усыновили доктор Карлайл Каллен и его жена Эсми, оба, вне всякого сомнения, слишком молодые, чтобы иметь детей подросткового возраста), но кожа у них одинаково бледная, в темных глазах тот же золотой отлив, и под ними круги, похожие на багровые синяки. Лица у брата с сестрой пугающе красивые; для посвященных, например для меня, поразительное сходство – отметина, указывающая на их сущность.

Увидев Элис – золотисто-карие глаза блестят от волнения, руки сжимают маленький серебристый сверток, – я нахмурилась. Говорила же: на день рождения не хочу ничего, абсолютно ничего: ни подарков, ни других знаков внимания. Похоже, меня никто не услышал...

Захлопнув дверцу старенького пикапа, я направилась к Калленам. Элис бросилась навстречу; ее бледное лицо эльфа так и сияло под задорным ежиком иссиня-черных волос.

– С днем рождения, Белла!

– Тш-ш! – прошипела я, с тревогой оглядываясь по сторонам: не дай бог кто-нибудь услышит. Мне совсем не хотелось отмечать эту черную дату.

На мой хмурый вид девушка не обратила ни малейшего внимания.

– Откроешь подарок прямо сейчас или потом? – беззаботно спросила она, когда мы шли к Эдварду.

– Никаких подарков! – мрачно буркнула я.

Похоже, Элис наконец почувствовала, в каком я настроении.

– Ну, ладно... Тогда потом. Тебе понравился альбом, что прислала мама, и фотоаппарат от Чарли?

Я вздохнула: конечно, Элис знает про мои подарки – в этой семейке удивительные способности не только у Эдварда. Его сестра сразу «увидела» планы моих родителей.

– Да, очень!

– По-моему, здорово придумано! Восемнадцать бывает только раз в жизни, можешь документально запечатлеть день своего совершеннолетия!

– А сколько раз тебе было восемнадцать?

– Ну, я другое дело!

Эдвард совсем близко, вот он протянул руку. Я тотчас ее пожала, на мгновение забыв о своем унынии. Его кожа, как всегда, гладкая, упругая и очень холодная. Заглянув в тигриные, цвета жидких топазов глаза, я почувствовала, как судорожно сжалось сердце, а Эдвард, уловив мой бешеный пульс, снова улыбнулся.

Прохладные, как осеннее утро, пальцы очертили контур моих губ.

– Значит, я не имею права поздравить тебя с днем рождения?

– Ага, точно. – Копировать его безупречно поставленную, с паузами и логическими удавлениями речь у меня никогда не получалось. Наверное, такой речи можно было научиться только в прошлом веке.

– Решил на всякий случай уточнить. – Каллен взъерошил бронзовую гриву. – Вдруг ты передумала? Людям, как правило, нравятся дни рождения и подарки.

Смех Элис напоминал звон серебряного колокольчика.

– Брось, Белла, тебе тоже понравится! Сегодня все будут потакать любому твоему желанию. Что плохого? – В устах девушки вопрос звучал как риторический.

– Возраст, – все-таки ответила я, и голос предательски дрогнул.

Губы Эдварда превратились в тонкую полоску.

– Восемнадцать – это немного, – заметила Элис. – Мне казалось, из-за таких проблем начинают волноваться после двадцати девяти.

– Немного, но больше, чем Эдварду, – пробормотала я.

Каллен вздохнул.

– Практически только на год, – как можно беззаботнее проговорила я.

Вообще-то... будь я уверена в желанном для меня будущем, уверена, что навсегда останусь с Эдвардом, Элис и остальными Калленами (хорошо бы не в облике сморщенной старухи), плюс-минус один год особой роли бы не сыграл. Но Эдвард категорически возражает против любого способного изменить мою сущность будущего, которое уподобит меня ему и сделает бессмертной.

Словом, тупик, как он сам часто говорит.

Если честно, его позицию я совсем не понимаю. Какие плюсы у смертности? Быть вампиром, по крайней мере таким, как Каллены, совсем неплохо.

– Когда будешь дома? – решив сменить тему, поинтересовалась Элис. Судя по выражению ее лица, она думает о том, чего я искренне надеюсь избежать.

– Разве я что-то запланировала?

– Да ладно тебе, Белла! – не выдержала сестра Эдварда. – Неужели испортишь нам все веселье?

– Мне казалось, день рождения проходит так, как желает именинник!

– Сразу после школы я ее заберу, – пообещал Каллен, начисто игнорируя мое присутствие.

– У меня ведь работа! – возразила я.

– Уже нет, – самодовольно заявила Элис. – Я договорилась с миссис Ньютон. Она меняется с тобой сменами и поздравляет с днем рождения.

– Н-не могу праздновать. – Заикаясь, я спешно придумывала отговорку. – Мне... «Ромео и Джульетту» для литературы нужно посмотреть.

– «Ромео и Джульетту» ты знаешь чуть ли не наизусть, – фыркнула девушка.

– Мистер Берти считает, что нужно обязательно увидеть постановку. Мол, шекспировское произведение задумывалось именно как зрелище.

Эдвард закатил глаза.

– Ты уже смотрела фильм! – напомнила Элис.

– Да, но современный, а не шестидесятых годов. По мнению мистера Берти, та экранизация – самая лучшая.

– Знаешь, милая, не мытьем, так катаньем, но ты... – разозлилась девушка, мгновенно потеряв всю самоуверенность.

– Успокойся, Элис, – прервал гневную тираду Каллен. – Раз Белла хочет, пусть смотрит фильм, это же ее день рождения.

– Вот именно, – вставила я.

– К семи я ее привезу, – продолжал Эдвард, – так что у тебя будет больше времени все приготовить.

– Да, здорово! – снова засмеялась Элис. – До вечера, Белла! Тебе понравится, вот увидишь!

Широко улыбнувшись, девушка обнажила ровные блестящие зубы и, прежде чем я успела ответить, чмокнула в щеку и упорхнула на первый урок.

– Эдвард, пожалуйста, – взмолилась я, но он прижал к моим губам прохладный палец.

– Обсудим позднее, на урок опаздываем!

Когда мы заняли свои обычные места на задней парте, никто не обратил на нас ни малейшего внимания (в этом году наши расписания совпадали почти полностью – это необыкновенное одолжение Эдвард сумел выжать из женской части школьной администрации), да и встречались мы слишком давно, чтобы быть объектом сплетен. Даже Майк Ньютон не устаивал мрачным взглядом, который когда-то внушал мне чувство вины. Теперь он просто улыбался, а я радовалась, что парень наконец сможет стать мне другом. За лето Ньютон сильно изменился: вместо детской пухлости заметные скулы, вместо популярной «площадки» длинная светлая грива – этаким тщательно продуманным беспорядком. Нетрудно догадаться, кто был примером для подражания, однако образ Эдварда так просто не скопируешь.

Как же выяснить, что ждет меня вечером в доме Калленов? Плохо уже то, что придется праздновать, когда на душе настоящий траур, однако самое страшное – подарки и повышенное внимание.

От внимания (тут со мной согласится любой недотепа) вообще одни неприятности. Когда боишься опозориться, совсем не хочется, чтобы на тебя смотрели во все глаза.

Я ведь ясно дала понять, скорее даже приказала: в этом году никаких подарков!.. Увы, похоже, моим желанием пренебрегли не только Чарли с Рене.

С деньгами было не особенно густо, но я не беспокоилась. Рене вырастила меня на жалованье учительницы начальных классов, да и работа Чарли к роскоши не располагала – он начальник полиции в крошечном Форксе. На личные расходы я зарабатывала, три раза в неделю помогая в магазине спорттоваров. В таком городке, как Форкс, для старшеклассницы найти работу – большая удача, и практически каждый цент я откладывала на колледж. (Кол-

ледж был планом Б; вообще-то я возлагала огромные надежды на план А, однако Эдвард хотел оставить меня человеком...)

Вот у кого денег хоть отбавляй, столько, что и подумать страшно! Как и для всех Калленов, для Эдварда они не имели никакого значения. Ничего странного, если у тебя есть сестра, обладающая невероятной способностью предсказывать изменения на фондовом рынке. Эдвард не понимал, почему я не позволяю тратить на себя деньги, почему смущаюсь в самом дорогом ресторане Сиэтла, почему отказываюсь от машины, способной развивать скорость больше девяноста километров в час, или подготовительных курсов (естественно, план Б привел его в полный восторг). По мнению моего бойфренда, все это – пустые женские капризы.

Но как я могла что-то принимать, не имея возможности вернуть? По совершенно непостижимой причине Эдварду хотелось быть со мной, и все, чем он одаривал меня помимо этого, еще больше нарушало равновесие.

На протяжении дня ни Эдвард, ни Элис о празднике не заговаривали, так что я немного успокоилась.

Во время ленча мы, как обычно, заняли целый столик, и, как всегда, в нашей компании царило напряженное перемирие. Эдвард, Элис и я устроились с одной стороны, а поскольку старшие и самые грозные на вид Каллены (в первую очередь, конечно, Эмметт) школу закончили, мы были не одни. Мои друзья: Майк и Джессика (уже не влюбленные, но еще приятели), Бен и Анжела (их роман длился с весны), Эрик, Коннер, Тайлер и Лорен (последняя в категории друзей не входила) – все сидели за тем же столом по другую сторону невидимой демаркационной линии. В редкие солнечные дни, когда Эдвард с Элис пропускали школу, воображаемая граница исчезала, и завязывался общий разговор, в котором я с удовольствием принимала участие.

Эдвард с Элис переносили этот своеобразный остракизм гораздо лучше, чем я, точнее, почти не замечали. В присутствии Калленов людям становилось неловко, даже страшно, по причине, которую они не могли объяснить. На меня это правило не распространялось. Порой Эдвард переживал, что мне с ним так хорошо: мол, он представляет опасность для моего здоровья, – а я это категорически отвергала.

Вторая половина дня пролетела быстро и незаметно. Уроки закончились, Эдвард, по обыкновению, проводил меня к пикапу, но почему-то открыл пассажирскую дверь. Наверное, на «вольво» уехала Элис, специально.

Сложив на груди руки, я даже не пошевелилась.

– Сегодня мой праздник, ты что, и за руль непустишь?

– Как ты и хотела, я делаю вид, что день самый обычный.

– Раз самый обычный, зачем ехать к тебе домой?

– Ладно, договорились. – Захлопнув пассажирскую дверцу, Каллен открыл для меня водительскую. – С днем рождения!

– Тш-ш! – испуганно зашипела я и села в машину. Ну зачем он обиделся, лучше бы домой отвез!

Пока я выезжала со стоянки, Эдвард крутил ручки радио, неодобрительно качая головой.

– Приемник у тебя ужасный!

Я нахмурилась: терпеть не могу, когда он цепляется к пикапу. Лично я свой транспорт обожаю: у него есть характер!

– Хочешь новый приемник – води свою машину! – Настроение – швах, плюс я сильно переживала из-за планов Элис; в общем, мои слова прозвучали резче, чем хотелось.

Я так редко взрывалась при Эдварде, что мой сердитый тон вызвал лишь сдавленную улыбку.

Мы остановились у дома Чарли, и Каллен нежно прикоснулся ладонями к моему лицу. Умеет он сбить с меня спесь, сделать ранимой. Я чувствовала себя слабой, по крайней мере по сравнению с ним.

– Сегодня настроение у тебя должно быть просто замечательным, – прошептал Эдвард, шелестя свежим дыханием по моей коже.

– А если я не хочу? – буквально задыхаясь от страсти, упрямилась я.

– Очень жаль! – вспыхнули тигриные глаза.

Голова закружилась: Каллен притянул меня к себе и наши губы встретились. Поцелуй – словно глоток живительной прохлады; и наверняка в соответствии с его корыстным планом, я мгновенно забыла все проблемы. Боже, да я с трудом вспомнила, что нужно дышать!

Холодные как лед губы порхали над моими, пока, обняв Эдварда за шею, я не впиалась в него более страстным, требовательным поцелуем. Каллен тут же отстранился, осторожно выбравшись из моих объятий.

Желая сохранить мне жизнь, он наложил на физическую сторону наших отношений многочисленные табу. Естественно, я понимала: от ядовитых, острых как бритва зубов нужно держаться подальше. Но когда я находилась в его объятиях, условности начисто вылетали из головы.

– Пожалуйста, будь умницей. – Он еще раз чмокнул меня в губы и, прежде чем отодвинуться, аккуратно положил мои руки на колени.

Бешеный пульс эхом отдавался в ушах, и я накрыла сердце ладонью. Боже, как боевой барабан!

– Это когда-то изменится? – спросила я, обращаясь в первую очередь к себе. – Сердце перестанет нестись галопом всякий раз, когда ты ко мне прикоснешься?

– Надеюсь, нет, – самодовольно отозвался Эдвард.

Я закатила глаза.

– Пошли посмотреть, как рубятся Монтекки и Капулетти.

– Твое желание для меня закон.

Пока я вставляла диск и перематывала титры, Эдвард растянулся на диване, а когда присела на краешек, обнял за талию и притянул к себе. Грудь мускулистая и холодная, словно лед; конечно, не так удобно, как на диванной подушке, но для меня гораздо приятнее.

– Знаешь, Ромео мне вообще не нравится, – заявил он, когда начался фильм.

– А что с ним не так? – обиделась я. Ромео – мой любимый литературный герой. До встречи с Эдвардом именно о таком и мечтала.

– Ну, поначалу он крутит шашни с Розалиной – разве это не признак ветрености? А потом за несколько минут до свадьбы убивает двоюродного брата Джульетты – по-моему, не слишком умный поступок. Парень совершает ошибку за ошибкой; вернее способа разрушить свое счастье не придумает.

– Хочешь, чтобы я смотрела одна?

– Я все равно здесь сижу... – Его пальцы чертили на моем предплечье холодные узоры, от которых появилась гусиная кожа. – Плакать будешь?

– Если смотреть внимательно, то, скорее всего, да, – призналась я.

– Обещаю не отвлекать, – проговорил он, а сам легонько чмокнул в макушку – как тут не отвлечься?!

В конце концов удалось сосредоточиться на фильме, в основном благодаря Эдварду, шептавшему мне на ухо реплики Ромео. По сравнению с его серебряным баритоном голос актера казался сущим карканьем. К величайшему удивлению Каллена, я и правда рыдала, когда Джульетта обнаружила своего новоиспеченного супруга мертвым.

– Вот здесь я страшно ему завидую, – признался Эдвард, вытирая мне слезы моим же локотом.

– Она очень хорошенькая!

– Да не из-за девушки! – презрительно фыркнул Эдвард. – Из-за того, как легко он совершил самоубийство! Вам, смертным, вообще повезло: небольшой порции растительного экстракта достаточно...

– Что? – ахнула я.

– Ну, однажды я об этом думал, хотя по опыту Карлайла знал: дело нелегкое. Трудно сказать, сколько раз он пытался покончить с собой после того... после того, как понял, кем стал... – Бархатный голос омрачился, затем вновь просветлел. – А здоровье у него до сих пор отменное.

Я обернулась, чтобы заглянуть ему в глаза:

– Что ты имеешь в виду? Что значит «однажды об этом думал»?

– Прошлой весной, когда тебя... чуть не убили. – Эдвард глубоко вздохнул, с трудом возвращаясь к привычному насмешливому тону. – Разумеется, я надеялся найти тебя живой, однако в глубине души прикидывал и альтернативный план. Говорю же, для меня это куда сложнее, чем для людей.

На долю секунды услужливая память воскресила поездку в Финикс, и сразу стало не по себе. Я все видела с потрясающей четкостью: ослепительное солнце, раскаленный асфальт, по которому я неслась, разыскивая вампира, решившего замучить меня до смерти. Джеймс поджидал в зеркальной комнате, якобы удерживая в заложниках маму. Вернее, так думала я, не подозревая: все это – просто уловка, а Джеймс, в свою очередь, не подозревал, что мне на помощь спешит Эдвард. К счастью, он успел, едва-едва успел...

Совершенно бездумно мои пальцы коснулись серповидного шрама на запястье, который всегда был чуть холоднее, чем кожа.

Я покачала головой, пытаясь одновременно отрешиться от плохих воспоминаний и разобраться, что задумал Эдвард. Желудок болезненно сжался.

– Что еще за альтернативный план?

– Без тебя я жить не собирался, – сказал Каллен спокойно, будто это было прописной истиной. – Только как и что делать, понятия не имел. Само собой, Эмметт с Джаспером помогать бы не стали, вот я и подумал: может, направиться в Италию и каким-то образом спровоцировать Вольтури?

Даже слушать не хотелось, но золотисто-карие глаза затуманились и смотрели куда-то вдаль. Боже, да он замыслил самоубийство! Я была в ярости.

– Кто такие Вольтури?

– Такая семья, – пояснил Каллен, судя по голосу, по-прежнему размышляя о смерти.

Я едва сдерживалась.

– Очень старая и влиятельная семья, подобная нам. Наверное, в мире людей им ближе всего королевская династия. Одно время Карлайл жил с ними в Италии, до того как перебрался в Америку. Ты помнишь его историю?

– Да, конечно.

Никогда не забуду, как впервые попала в дом Калленов – огромный белый особняк в лесной глуши у самой реки – и в комнату, где у Карлайла, которого Эдвард по многим причинам считал отцом, была целая стена рисунков, отображающих его личную историю. Самое большое и яркое полотно относилось к его пребыванию в Италии. Конечно, я запомнила четверых мужчин с ангельски спокойными лицами, которые стояли на балконе над пестрой беснующейся толпой. Рисункам несколько веков, а белокурый ангел Карлайл совершенно не изменился. Трех остальных его старых знакомых я тоже не забыла. Значит, это Вольтури; мистер Каллен фамилию не упоминал, он назвал их Аро, Каем и Марком, ночными ангелами-хранителями науки и искусства...

– Так вот, Вольтури раздражать не рекомендуется, – неожиданно прервал мои мысли Эдвард. – Если, конечно, не хочешь умереть, или что там с нами происходит... – Бархатный голос такой спокойный, будто ему невыносимо скучно.

Мой гнев превратился в ужас, и я сжала мраморное лицо в ладонях.

– Никогда, никогда больше не говори ни о чем подобном! Что бы ни случилось со мной, ты не имеешь права причинять себе боль!

– Тобой я больше рисковать не намерен, так что и спорить не о чем!

– Рисковать мной?! Разве мы не договорились, что все беды из-за моей катастрофической невезучести? – С каждым словом я распалялась еще сильнее. – Не смей даже думать о таком! – При мысли о том, что после моей смерти Эдвард перестанет существовать, становилось невыносимо.

– Как бы в такой ситуации поступила ты?

– А случись нечто подобное с тобой, – смертельно побледнев, начала я, – ты бы захотел, чтобы я наложила на себя руки?

Прекрасное лицо исказила гримаса боли.

– Пожалуй, я понимаю... – признал Эдвард. – Отчасти... Но что мне без тебя делать?

– То же самое, что делал, прежде чем появилась я и усложнила твое существование.

– Можно подумать, все так просто... – вздохнул Каллен.

– Так и есть, а я – довольно неинтересная девушка.

Эдвард хотел возразить, но в последний момент передумал.

– Спорный вопрос. – Внезапно он сделал постное лицо и пересадил меня на диван, чтобы наши тела не соприкасались.

– Чарли? – догадалась я.

Каллен улыбнулся, и через секунду я услышала, как на подъездную аллею въехала патрульная машина. Я решительно взяла Эдварда за руку – ничего, папа переживет.

Вошел Чарли с большой коробкой пиццы в руках.

– Привет, ребята! – бодро прокричал он и хитро подмигнул мне. – Решил, что по случаю дня рождения тебя можно освободить от готовки и мытья посуды. Есть хотите?

– Конечно! Спасибо, папа!

Явное отсутствие аппетита у Эдварда отец деликатно оставил без внимания. Он привык, что мой бойфренд пропускает ужин.

– Разрешите похитить Беллу на остаток вечера? – спросил Эдвард, когда мы с папой расправились с пиццей.

Я с надеждой взглянула на Чарли. Вдруг он считает день рождения домашним праздником? Мы же впервые вместе отмечаем с тех пор, как мама вышла замуж и перебралась во Флориду, кто знает, какие у него привычки.

– Без проблем! Тем более сегодня бейсбол: «Чикаго уайт сокс» принимают «Сиэтл маринерс», – пояснил Чарли, и мои надежды рассыпались прахом. – Боюсь, со мной будет не очень весело. Вот! – Он схватил фотоаппарат, который выбрал по предложению Рене (нужно же чем-то заполнять ее альбом), и бросил мне.

Зря он так: у меня ведь с координацией проблемы. Вскользнув из рук, фотоаппарат полетел на пол. Эдвард поймал его в каких-то миллиметрах от линолеума.

– Отличная реакция! – похвалил Чарли. – Давай, Белла, как следует развлекись у Калленов и обязательно сфотографируйся. Ты же знаешь маму: фотографии ей нужны еще раньше, чем ты успеешь их сделать.

– Чудесная идея, Чарли! – воскликнул Эдвард, передавая мне фотоаппарат.

Повернув к нему объектив, я щелкнула затвором.

– Работает!

– Вот и отлично. Передай привет Элис, что-то она давно не заходила, – чуть заметно ухмыльнулся Чарли.

– Пап, прошло всего три дня! – Чарли обожает сестру Эдварда. Их «роман» начался весной, когда Элис помогала мне выздоравливать. Отец был страшно благодарен девушке за то, что спасла от настоящего ужаса: необходимости купать почти взрослую дочь. – Не беспокойся, передам.

– Ладно, ребята, веселитесь хорошенько! – Ясно, папе не терпится от нас отделаться, да он уже к гостинной пятится. Конечно, там же телевизор...

Торжествующе улыбнувшись, Эдвард повел меня с кухни.

У пикапа он снова открыл пассажирскую дверь, и на этот раз я не спорила: чуть заметный поворот к дому Калленов в темноте мне ни за что не найти.

Эдвард погнал на север, не скрывая досады на то, что доисторический «шевроле» не позволял развить приличную скорость. Чуть больше шестидесяти километров в час, и двигатель начинал обреченно стучать.

– Да хватит! – возмутилась я.

– Знаешь, что тебе подойдет? Маленькая «ауди-купе»! Быстрая, бесшумная, надежная.

– У меня отличный пикап, а что касается баснословно дорогих излишеств, не помню, чтобы ты тратился на подарки родственникам!

– Верно, ни цента! – подтвердил щедрый Эдвард.

– Вот так-то!

– Можешь кое-что для меня сделать?

– Смотря что.

Каллен вздохнул, и самое любимое на свете лицо посерьезнело.

– Белла, в нашей семье последний настоящий день рождения отмечал Эмметт аж в тысяча девятьсот тридцать пятом году. Так что будь любезна, не капризничай! Они так старались...

Когда Эдвард выгораживал семью, мне почему-то становилось немного страшно.

– Хорошо, буду паинькой.

– Наверное, стоит тебя предупредить...

– Да уж, пожалуйста.

– Они все очень волнуются... Все!

– Все? – сдавленно переспросила я. – А разве Эмметт с Розали не в Африке? – Жители Форкса думают, что брат с сестрой уехали в Дартмуртский колледж, но я-то знаю правду.

– Эмметту очень хотелось присутствовать.

– А... Розали?

– Ну, ты же понимаешь... Не волнуйся, она умеет держать себя в руках!

Я не ответила. Как не волноваться? В отличие от Элис, вторая «сестра» Эдварда, золотая блондинка Розали, не особенно меня жаловала. «Не жаловала» сказано довольно мягко; для изящной Розали я была незваной гостьей, без спросу проникшей в их тайный мир.

Я очень переживала, подозревая, что виновата в затянувшемся отсутствии родственников Эдварда. Не могу сказать, что мне не хватало надменной Розали, а вот по Эмметту, игривому медведю-гризли, я действительно скучаю. Мне всегда хотелось иметь старшего брата, ну, возможно, не такого устрашающего на вид.

Эдвард решил сменить тему:

– Раз на «ауди» ты не согласна, какой подарок примешь?

– Ты знаешь, что мне хочется, – чуть слышно прошептала я.

Мраморный лоб прорезали глубокие морщины: Каллен пожалел, что сменил тему.

Да, видимо, спорам сегодня не будет конца...

– Только не в такой день, Белла, пожалуйста!

– Ну, может, Элис уговорю.

Эдвард зарычал.

– Это не последний твой день рождения! – поклялся он.

– И где справедливость?

Неужели я слышала, как клацнули зубы?

Мы подъезжали к дому Калленов.

В окнах первых двух этажей горел яркий свет. У крыльца с карнизов свисали японские фонарики. Надо же, целая гирлянда, красноватыми отблесками играющая на стволах исполинских кедров. У парадной двери – цветы в больших вазах.

Розовые розы... Я застонала.

Пытаясь успокоиться, Эдвард набрал в грудь побольше воздуха.

– Это вечеринка, – напомнил он. – Расслабься.

– Хорошо, – пробормотала я.

Выбравшись из машины, Каллен протянул мне руку.

– Можно вопрос?

Эдвард настороженно ждал.

– Когда проявят пленку, – начала я, крутя в руках фотоаппарат, – ты на снимке будешь?

Он расхохотался, помог мне выйти, затащил на крыльцо и, продолжая веселиться, подтолкнул к двери.

Каллены ждали в просторной белой гостиной и, увидев меня, проскандировали: «С днем рождения, Белла!», а я, зардевшись, опустила глаза. Казалось, каждый квадратный сантиметр пола Элис заставила розовыми свечами и хрустальными вазами чуть ли не с сотней роз.

Рядом с роялем Эдварда – застланный белой скатертью стол, а на нем именинный пирог с малиновой глазурью, еще розы, высокая стопка тарелок и небольшая горка подарков в серебристой упаковочной бумаге.

Да, все в тысячу раз хуже, чем я предполагала.

Почувствовав мое настроение, Эдвард обнял меня и чмокнул в макушку.

Карлайл и Эсми – неправдоподобно молодые и обаятельные родители четверых детей – стояли ближе всех к двери. Эсми осторожно коснулась моего запястья, а когда целовала в лоб, карамельного цвета волосы скрыли нас от остальных шелковистым облаком. Через секунду на плечо легла твердая ладонь Карлайла.

– Прости, Белла, – прошептал доктор Каллен, – Элис невозможно было остановить.

Рядом с родителями поджидали Эмметт с Розали. Девушка, конечно, не улыбнулась, но и свирепым взглядом не обожгла. Крупный рот Эмметта растянулся в широкой ухмылке. Мы не виделись несколько месяцев, и я подзабыла, как обворожительно Розали, глаз не отвести. А Эмметт... Неужели он такой... здоровяк?

– Ты совсем не повзрослела! – с поддельным упреком воскликнул Эмметт. – Я-то надеялся заметить разительные перемены, а ты, как всегда, растрепанная и покрасневшая.

– Спасибо, Эмметт, – пробормотала я, краснея еще гуще.

Старший брат Эдварда хохотнул.

– Я выйду буквально на секунду, – объявил он и заговорщически подмигнул Элис. – Пока меня нет, не делай ничего смешного, ладно?

– Постараюсь.

Высокий светловолосый Джаспер остался у лестницы. За проведенные в Финиксе дни он так и не преодолел неприязнь ко мне и старался меня избегать – естественно, когда была не его очередь дежурить. Понятно, ничего личного, обычная предосторожность, и расстраиваться не стоит. К диете Калленов парень приспосабливался с большим трудом, чем остальные. Запах человеческой крови преследовал Джаспера повсюду... да, вегетарианского опыта у него меньше!

– Пора открывать подарки, – объявила Элис, ледяной ладошкой взяла меня за локоть и повела к столу с тортом и блестящими свертками.

– Слушай, я ведь просила...

– А я пропустила мимо ушей! Открывай! – Забрав фотоаппарат, она вручила мне квадратную коробочку в серебристой упаковке.

Такая легкая, можно подумать, пустая... Судя по нарядной этикетке, подарок от Эмметта, Розали и Джаспера. Смущаясь, я порвала бумагу и бездумно уставилась на картонную коробку.

Название какой-то фирмы и множество цифр... Так, похоже на электронный прибор. Надеюсь увидеть сверкающий дисплей, я приподняла крышку. Под ней... ничего!

– М-м-м, спасибо...

Надменные губы Розали изогнулись в улыбке.

– Автомагнитола! – прыснул Джаспер. – А Эмметт ее сейчас устанавливает, чтобы отрезать тебе пути к отступлению.

Наверняка идея Элис!

– Джаспер, Розали, спасибо огромное! – Я вспомнила нелестные комментарии Эдварда в адрес моего приемника. Теперь понимаю, он нарочно меня распалял. – Спасибо, Эмметт! – громко прокричала я.

С улицы слышалось что-то напоминающее раскаты грома: «старший брат» веселился вволю.

– Теперь наш с Эдвардом!..

От восторга голос Элис стал похож на птичий клекот. В руках девушки был маленький квадратный сверток.

– Ты же обещал! – гневно взглянув на Эдварда, прошипела я.

Не дав младшему брату ответить, в гостиную с шумом ворвался Эмметт.

– Я как раз вовремя! – Он встал за Джаспером, который подошел ближе, чтобы как следует рассмотреть подарок.

– И доллара не потратил! – убирая с моего лица прядь, поклялся Эдвард. От прикосновения его пальцев по коже будто прошел электрический разряд.

Глубоко вздохнув, я повернулась к Элис:

– Ладно, давай!

Эмметт аж закудахтал от удовольствия.

Я взяла сверточек и, сделав большие глаза, дернула за ленту.

– Черт! – пробормотала я, когда бумага царапнула кожу. Из крошечного пореза вытекла капелька крови.

Дальше все произошло очень быстро.

– Не-ет! – прорычал Эдвард и бросился на меня, толкнув на красиво сервированный стол. Стол опрокинулся, цветы с тарелками полетели на пол. Я упала на крошево битого хрусталя.

Из груди белокурого вампира вырвался звук, похожий на утробное ворчание, и Джаспер протиснулся мимо моего бойфренда, класнув зубами в каких-то сантиметрах от его лица.

В следующую секунду на Джаспера набросился Эмметт, сжал в стальных объятиях; тот отчаянно сопротивлялся, буравя меня глазами.

Кроме потрясения и ужаса, я чувствовала обжигающую боль. Казалось, в запястье впились тысячи голодных ос.

Сбитая с толку и перепуганная, я смотрела на алую кровь, что хлестала из руки, а подняв голову, увидела лихорадочные глаза шести внезапно проголодавшихся вампиров.

Глава вторая

Шрамы

Карлайл был единственным, кто сохранил спокойствие. Голос его прозвучал невозмутимо и властно, видимо, сказались века работы в больнице:

– Эмметт, Роуз, выведите Джаспера из дома!

Кивнув, «старший брат» тотчас перестал улыбаться.

– Пойдем, Джаспер!

Пытаясь вырваться из железных объятий, молодой вампир клацал зубами, сверля брата неестественно пустыми глазами.

Эдвард, более мела, прикрывал меня собой, готовый к любым нападениям. Челюсти его были стиснуты, в горле клокотал звериный рык. Боже, он что, совсем не дышит?

Прекрасное лицо Розали превратилось в самодовольную маску: встав перед Джаспером – на безопасном расстоянии от его зубов, – она помогла Эмметту вывести братца через стеклянную дверь, которую заботливо приоткрыла Эми. Тонкая рука зажала рот и нос, красноречиво выражая отношение ко всему происходящему.

Судя по побелевшим губам миссис Каллен, ей было стыдно.

– Мне жаль, Белла, – чуть не плакала она, вместе со всеми выходя во двор.

– Эдвард, пусти меня к ней! – пробормотал Карлайл.

Секундное колебание – и парень медленно кивнул, позволив мне оторваться от пола.

Опустившись на колени, доктор Каллен осмотрел руку. Чувствуя, как лицо искажает гримаса боли, я изо всех сил держалась.

– Вот, возьми. – Элис протянула полотенце.

– В ране мелкие осколки, – покачал головой доктор Каллен, оторвал от крахмальной скатерти длинный лоскут и завязал на моем предплечье наподобие жгута. От запаха крови кружилась голова, в ушах звенело. – Белла! Отвезти тебя в больницу или обработаем рану здесь?

– Лучше здесь, – прошептала я. Попаду в больницу – проблем с Чарли не оберешься.

– Сейчас найду твой чемоданчик! – пообещала Элис.

– Давай перенесем ее на кухонный стол, – сказал сыну Карлайл.

Эдвард поднял меня словно пушинку, а доктор Каллен что есть силы сжимал предплечье.

– Как ты себя чувствуешь?

– Все в порядке. – Мой голос практически не дрожал, что не могло не радовать.

Лицо Эдварда застыло в непроницаемой маске.

Вернулась Элис с чемоданчиком Карлайла. Эдвард бережно усадил меня на стул, а доктор Каллен, опустившись рядом, не мешкая приступил к работе.

Мой бойфренд по-прежнему стоял неподалеку, хмурый и надежный, как скала.

– Эдвард, можешь отойти, – промолвила я.

– Ничего, справлюсь, – упрямылся он, хотя его губы побледнели, а глаза полыхали от напряжения. Бороться с жадой ему куда сложнее, чем остальным.

– Не надо геройствовать! Карлайл справится без твоего участия. Иди, подыши воздухом!

Я поморщилась: доктор Каллен чем-то обжег мою многострадальную руку.

– Лучше останусь...

– Ты что, мазохист?

– Эдвард, пока не поздно, найди Джаспера, – решил вмешаться Карлайл. – Наверное, он очень расстроен и в таком состоянии не будет слушать никого, кроме тебя.

– Да, – с жаром согласилась я, – сходи за Джаспером!

Эдвард презрительно сузил глаза: надо же, мол, вдвоем набросились, но потом кивнул и выскользнул из двери черного хода. Такое впечатление, что с момента, как я порезала палец, он ни разу не вздохнул.

Жгучая боль в руке постепенно уходила, однако время от времени напоминала, что рана все-таки есть. Может, отвлекусь, если удастся сосредоточиться на лице Карлайла? Вот он склонился над моим локтем, и золотистые волосы сверкнули в ярком свете лампы. Что-то обожгло руку – я старательно терпела. Нечего изображать кисейную барышню!

Не стой Элис все это время у меня перед глазами, я бы и не заметила, что она, не выдержав, выбралась из кухни. Смущенная улыбка – и девушка-эльф скользнула за дверь.

– Ну вот, всех распугала, – вздохнула я.

– Ты не виновата, – усмехнувшись, подбодрил меня Карлайл. – Такое могло случиться с кем угодно.

– Могло, – повторила я, – но случилось, как обычно, со мной.

Доктор Каллен снова усмехнулся.

Его невозмутимое спокойствие разительно контрастировало с реакцией остальных. На красивом лице ни тени волнения, движения быстрые, уверенные.

– Как вам это удастся? – вырвалось у меня. – Даже Элис с Эсми... – Я не договорила, изумленно качая головой.

Все члены его семьи соблюдали необычную для вампиров диету с одинаковым тщанием, но только Карлайл вдыхал запах моей крови, не борясь с тайным соблазном. Конечно, на самом деле ему сложнее, чем кажется со стороны.

– Благодаря многолетней практике, – отозвался Карлайл. – Запах крови я практически не чувствую.

Пим! пим! пим! – падали на стол осколки, извлеченные из раны. Удивительно, сколько стекла в моей руке! Очень хотелось взглянуть на растущую горку, но при моей склонности к тошноте это далеко не лучшая мысль.

– А почему вы так держитесь за больницу? – Во-первых, я не могла представить, сколько лет отец Эдварда боролся со своим естеством, чтобы так себя контролировать, а во-вторых, я надеялась, что беседа отвлечет от намечающейся в желудке революции.

Темные глаза Карлайла сохраняли безмятежное спокойствие.

– Хм-м, мне нравится, когда... Когда мои необыкновенные способности помогают больным, у которых иначе не было бы шанса. Приятно сознавать, что моя работа делает жизнь некоторых людей легче и лучше. Знаешь, обостренное обоняние порой позволяет ставить более точные диагнозы... – Сочные губы изогнулись в кривоватой полуулыбке.

Пока я обдумывала услышанное, доктор Каллен проверял, все ли осколки удалены. Потянулся к чемоданчику... Надеюсь, не за иголкой!

– По-моему, вы пытаетесь искупить то, что и виной не назовешь. – Я почувствовала, как рану снова засадило. – Ну, у вас же все так не нарочно получилось... Вы не выбирали такую судьбу и тем не менее вынуждены лезть из кожи вон, чтобы быть хорошим.

– Я и не намерен что-то искупить или исправить, – покачал головой Карлайл. – Скорее, как все, стараюсь максимально использовать то, что есть.

– Вас послушать – никаких проблем...

Доктор снова осмотрел рану.

– Ну вот, готово. – Промокнув большую ватную палочку, с которой капала густая жидкость карамельного цвета, он обработал все порезы. «Карамель» пахнет немного странно, даже голова кружится, и сильно жжет.

– В самом начале, – допытывалась я, пока Карлайл накладывал повязку, – почему вы вдруг решили жить иначе, чем остальные?

Доктор Каллен усмехнулся:

– Разве Эдвард не рассказывал?

– Рассказывал, но я пытаюсь понять, как вы рассуждали.

Лицо доктора неожиданно посерьезнело: неужели мы с ним думаем об одном и том же? Как поступлю я, когда – именно «когда», а не «если» – придет мое время?

– Мой отец был священником, – сложив инструменты, Карлайл протер поверхность стола влажной марлей, затем еще раз; едко запахло спиртом, – и придерживался довольно консервативных взглядов, которые лично у меня вызвали сомнения еще до того, как я начал меняться.

Доктор Каллен сложил использованные бинты и осколки на пустое блюдо. Я не сообразила зачем, даже когда он зажег спичку, но вот она полетела на проспиртованные повязки, и неожиданно яркое пламя заставило меня подпрыгнуть.

– Прости, – извинился Карлайл, – так нужно. В общем, я не принял слепую веру отца, хотя почти за четыреста лет со дня моего рождения ни разу не усомнился в существовании Бога. Сомнений не возникает, даже когда смотрюсь в зеркало и не вижу отражения.

Якобы разглядывая безупречно наложенную повязку, я тихонько удивлялась обороту, который приняла беседа. Вот уж не думала, что речь зайдет о религии! В моей собственной жизни веры не было. Чарли считал себя лютеранином, потому что именно к этой церкви принадлежали его родители, однако выходные предпочитал проводить на реке с удочкой в руках. Что касается Рене, она вспоминала о религии периодически, в перерывах между теннисом, керамикой и французским, причем о маминых увлечениях я узнавала, когда она уже переключалась на что-то новое.

– Понимаю, странно слышать подобное от вампира, – ухмыльнулся доктор, походя произнес слово, от которого у меня до сих пор холодок по спине бежал, – тем не менее я верю: в жизни каждого должна быть цель, даже у нас. Конечно, на многое рассчитывать не стоит, – беззаботно продолжал Карлайл, – по всем без исключения данным мы прокляты. Но я наивно надеюсь, что нам воздастся хотя бы за то, что мы старались.

– Ничего наивного не вижу, – пробормотала я. По-моему, никто, в том числе и Господь, не остался бы равнодушным к словам Карлайла. К тому же среди святых, которым я была согласна поклоняться, обязательно присутствовал бы Эдвард. – И со мной наверняка согласится подавляющее большинство.

– Вообще-то ты у меня первая союзница.

– Разве в семье с вами не солидарны? – спросила я, на деле интересуясь конкретным ее членом.

Карлайл догадался, о ком речь.

– Эдвард поддерживает меня – до определенной степени. Мол, Бог и рай существуют... так же, как и ад. Но в загробную жизнь для таких, как мы, он не верит. – Доктор Каллен говорил очень тихо, глядя через открытое окно в темноту. – Видишь ли, ему кажется, что душу мы утратили.

Тут же вспомнилось, что сказал Эдвард после школы: «Если, конечно, не хочешь умереть, или что там с нами происходит...» От перепада напряжения одна из ламп несколько раз мигнула.

– В этом все дело? – догадалась я. – Вот почему он из-за меня так упрямится...

– Смотрю на... сына, – спокойно продолжал Карлайл, – сила, ум и доброта горят в нем словно яркие звезды, многократно укрепляя мою веру и надежду. Почему на свете только один такой Эдвард? С другой стороны, если бы я мыслил так же, как он... – доктор Каллен буравил меня взглядом бездонных глаз, – если бы ты мыслила так же, как он, согласилась бы украсть его душу?

Ну что тут скажешь? Вот так вопрос... Спроси он, готова ли я отдать за Эдварда душу, – ответила бы не задумываясь, но ставить на карту его душу... Разве это равноценный обмен?

– По-моему, ты понимаешь, в чем дело...

Я покачала головой, осознавая, что веду себя как капризная девчонка.

Карлайл вздохнул.

– Решать мне! – настаивала я.

– И ему... – увидев, что я собралась спорить, мистер Каллен поднял руку, – если, конечно, превращение совершит он.

– Ну, такая возможность есть не только у Эдварда, – задумчиво напомнила я.

– Это уж на ваше усмотрение, – хохотнул доктор Каллен, а потом вздохнул. – Вот у меня полной уверенности нет: вроде бы всегда хотел, как лучше, но имел ли право обречь на такое существование других?

Я не ответила, представив, какой была бы моя жизнь, не реши Карлайл покончить со своим одиночеством.

– Это мать Эдварда меня подвигла, – чуть слышно проговорил доктор Каллен, глядя куда-то вдаль.

– Его мать? – Каждый раз, когда заговаривали о родителях, Эдвард отвечал: они умерли так давно, что в памяти остались лишь смутные образы. А Карлайл, похоже, отлично их помнит, хотя и знал совсем недолго.

– Да, ее звали Элизабет, Элизабет Мейсен. Несмотря на все старания медиков, отец, Эдвард-старший, так в себя и не пришел. Он умер во время первой волны гриппа, а вот Элизабет оставалась в сознании до самого конца. Эдвард очень на нее похож: те же густые, с необычным бронзовым отливом волосы и зеленые глаза.

– У него были зеленые глаза? – переспросила я, пытаясь себе это представить.

– Да... – В золотисто-карем взгляде Карлайла светилась многовековая грусть. – Элизабет очень переживала за сына... Теряя последние силы, то и дело подходила к кровати, чтобы проверить, как он. Я боялся, что мальчик умрет первым: он казался намного слабее матери. Однако смерть, стремительная и неумолимая, пришла за Элизабет. Случилось это вечером, когда я сменил работавших в первую смену докторов. Соблюдать условности было невыносимо сложно – столько работы, отдыхать совершенно не хотелось... До сих пор помню, с какой безысходностью я возвращался под утро домой и притворялся спящим, в то время как в больнице умирали десятки людей...

Итак, первым делом я решил провести Элизабет с сыном. Я к ним привязался, что, учитывая слабость человеческого тела, делать не стоило. Увидев ее, я сразу понял: наступило ухудшение. Лихорадка набирала обороты, а обессиленное тело сопротивляться не могло.

Впрочем, когда женщина оторвалась от кровати сына, силы в свирепом взгляде было предостаточно.

«Спасите его!» – приказала она хриплым голосом, на который еще было способно воспаленное горло.

«Сделаю все, что смогу», – пообещал я, взяв миссис Мейсен за руку. Из-за сильного жара моя рука ей холодной не показалась; думаю, ей все казалось холодным.

«Вы обязаны, – настаивала Элизабет, сжимая мою ладонь с такой решимостью, что появилась надежда: вдруг поправится? Глаза блеснули, как драгоценные камни, как изумруды! – Вы должны подключить все свои способности! Дайте Эдварду то, что другие не могут!»

Я не на шутку перепугался: ее взгляд был так пронзителен, словно миссис Мейсен знала мой секрет. А потом лихорадка взяла свое: бедняжка умерла, не приходя в сознание, через час после того, как высказала свою странную просьбу.

Я уже несколько десятилетий мечтал завести друга, который знал бы меня настоящего, а не такого, каким я притворялся перед людьми. Но разве можно намеренно обречь человека на подобное существование?

Эдвард умирал, ему осталось всего несколько часов. Он лежал рядом с мамой, чье лицо даже после смерти казалось встревоженным.

Века не властны над чудесной памятью доктора Карлайла: он воскрешал события с поразительной четкостью. Вместе с ним я увидела и почувствовала холодное отчаяние больницы и мрачное торжество смерти, горящего в лихорадке Эдварда, его тщедушное тело, из которого стремительно уходила жизнь... Ужас! Я покачала головой, пытаюсь избавиться от жуткого наваждения.

– В ушах звенели последние слова Элизабет. Откуда она узнала? Разве мать может желать для сына подобной участи? Я посмотрел на Эдварда: слабый, бледный, мучительно красивый. Лицо чистое, благородное... Именно о таком сыне я всегда мечтал.

После многолетних колебаний и нерешительности я просто поддался порыву. Коллеги не заметили, что мальчик дышит: в ту пору не хватало ни рук, ни глаз, чтобы и за половиной больных уследить. В морге не было никого... то есть никого из живых; я пронес его на чердак и по крышам – к себе домой.

Не зная, с чего начать, я вспоминал, как несколькими веками ранее в Лондоне ранили меня самого. И с трудом решился. И все-таки о сделанном я не жалею: я ведь спас Эдварда...

Возвращаясь к настоящему, доктор Каллен покачал головой:

– Наверное, нужно отвезти тебя к отцу.

– Я сам отвезу, – заявил мой бойфренд, беззвучно появившись из столовой. Лицо безмятежное, но глаза... Эдвард явно что-то скрывает. Сердце в предчувствии сжалось.

– Лучше Карлайл. – Его рубашка вся была в кровавых пятнах, а правое плечо измазано розовой глазурью с торта.

– Я в порядке, – сухо произнес Эдвард, – а вот тебе нужно переодеться. У Чарли случится инфаркт, если увидит тебя такой. Скажу Элис, пусть принесет что-нибудь из одежды. – Каллен-младший решительно шагнул к двери.

– Он очень расстроен, – с тревогой взглянув на доктора, отметила я.

– Да. Сегодня случилось именно то, чего больше всего боится Эдвард: из-за наших естественных потребностей ты оказалась в опасности.

– Он не виноват.

– Ты тоже.

Я не хотела соглашаться с Карлайлом. Ну зачем он так грустно и понимающе смотрит на меня!

Протянув руку, доктор помог мне встать и повел в гостиную. Вернувшаяся Эсми протирала пол, судя по запаху, неразбавленным отбеливателем.

– Позвольте мне... – церемонно предложила я, чувствуя, что снова заливаюсь румянцем.

– Да я уже заканчиваю, – улыбнулась миссис Каллен. – Как ты?

– В порядке. Карлайл штопает раны быстрее, чем все мои предыдущие доктора.

Родители Эдварда засмеялись.

В гостиную вошли Элис с Эдвардом; девушка бросилась ко мне, а ее брат с непроницаемым лицом встал чуть поодаль.

– Пошли, – позвала Элис, – подберем что-нибудь попримечнее.

Оказывается, она уже нашла блузку Эсми практически того же оттенка, что и моя. Чарли в жизни не заметит подмену! Папа нередко видит меня в бинтах, надеюсь, не слишком удивится.

– Элис! – шепотом позвала я, заметив, что она направляется к двери.

– Да? – наклонив голову, негромко спросила девушка.

– Все очень плохо? – Шептала я, конечно же, напрасно: мы на втором этаже, дверь закрыта, но Эдвард все равно может услышать.

– Пока не знаю.

– Как Джаспер?

– Сильно расстроился. Это было испытанием прежде всего для него, а он не любит показывать слабость и проигрывать.

– Джаспер не виноват. Передай, что я ничуть на него не злюсь, ладно?

– Да, конечно.

Эдвард ждал у входной двери и, едва заведя нас на лестнице, тотчас ее открыл.

– Подарки возьми! – напомнила Элис, когда я робко подошла к ее брату. Я быстро собрала серебристые свертки, отыскала фотоаппарат и сунула в здоровую руку. – Спасибо скажешь потом, когда откроешь!

Эсми с Карлайлом пожелали мне доброй ночи, так же, как и я, украдкой поглядывая на подозрительно апатичного парня.

На улице было прохладно и свежо. Я поспешила прочь от японских фонариков и ваз с розами, которые отныне будут напоминать о неприятном инциденте. Эдвард молча шел рядом, затем открыл пассажирскую дверь, и я покорно села в машину.

Новую магнитолу украсили красным бантом; его пришлось сорвать и бросить на пол. Когда за руль сел Каллен, я поспешно спрятала злосчастную ленту под сиденье.

На подарок он даже не взглянул, и я не решилась опробовать радио. В гнетущей тишине мотор ревел оглушительно. Эдвард гнал по темной дороге с невероятной для моего пикапа скоростью.

Затянувшееся безмолвие сводило с ума.

– Скажи что-нибудь! – взмолилась я, когда мы свернули на шоссе.

– Что, например? – холодно спросил Каллен.

Зачем он так?!

– Скажи, что меня прощаешь!

Бесстрастное, словно маска, лицо на мгновение ожило, перекосившись от гнева.

– Прощаю? За что?

– Будь я аккуратнее, ничего бы не случилось.

– Белла, ты порезалась упаковочной бумагой – за такое на электрический стул не сажают.

– Все равно я виновата.

Мои слова будто прорвали невидимую плотину.

– Виновата? Представь, что случилось бы, порежь ты палец в доме Майка Ньютона перед Джессикой, Анжелой и другими нормальными друзьями! В худшем случае они не смогли бы правильно наложить повязку. Даже если бы ты просто споткнулась и упала – а не была в панике сбита с ног, – чем бы это грозило? Ну, по дороге в больницу могла перепачкать кровью сиденья... Пока накладывали швы, Майк Ньютон держал бы тебя за руку, а не боролся с желанием убить на месте. Белла, не перекладывай вину на себя, от этого мне только хуже.

– Каким образом в наш разговор попал Майк Ньютон?

– Майк Ньютон попал в наш разговор, потому что он, черт возьми, подходит тебе гораздо больше.

– Лучше умру, чем буду встречаться с Майком Ньютоном, – заявила я. – Лучше умру, чем буду встречаться с кем угодно, кроме тебя.

– Пожалуйста, только мелодрам не надо!

– А ты ерунду не говори!

Каллен не ответил, мрачно, без всякого выражения глядя в лобовое стекло.

Боже, ну как мне все исправить? Я ломала голову, но вот мы подъехали к дому, а на ум так ничего и не пришло. Эдвард заглушил мотор и сидел, судорожно сжав руль.

– Может, останешься? – спросила я.

– Мне нужно домой.

Больше всего на свете я боялась, что он впадет в депрессию.

– Ну, в честь моего дня рождения!

– Слушай, нельзя же и так и эдак: либо ты хочешь, чтобы окружающие игнорировали твой праздник, либо нет.

Голос звучал строго, но уже не так мрачно, как прежде, и из моей груди вырвался чуть слышный вздох облегчения.

– Ладно! Я не хочу, чтобы ты игнорировал мой праздник. Жду тебя наверху.

Выбравшись из машины, я обернулась, чтобы взять подарки.

– Не нравятся – не бери, – хмуро сказал Эдвард.

– Нравятся! – заявила я и подумала, что он, возможно, просто поддразнивает меня.

– Как же так? Карлайл с Эсми кучу денег потратили!

– Ничего, переживу. – Неловко зажав подарки в здоровой руке, я громко захлопнула дверцу. Доля секунды – и Эдвард стоял рядом.

– Может, хоть нести помогу? – забирая свертки, предложил он. – Давай, жду тебя в комнате.

– Спасибо, – улыбнулась я.

– С днем рождения! – вздохнул он и, наклонившись, прильнул к моим губам.

Я встала на носочки, чтобы поцелуй длился подольше, но Каллен отстранился. Его лицо озарила привычная кривоватая улыбка, и он исчез в темноте.

Бейсбол еще не кончился, и, не успев войти, я услышала, как диктор пытается перекрыть ропот беснующихся трибун.

– Беллз! – позвал Чарли.

– Да, пап, я! – Нужно подойти поближе, а порезанную руку держать как можно естественнее. Любое движение причиняет жгучую боль: наверное, анестезия перестает действовать.

– Как все прошло? – Чарли развалился на диване, положив босые пятки на подлокотник. Выющиеся каштановые волосы, вернее, то, что осталось от некогда густой шевелюры, с одной стороны примялось, словно блин.

– Эллис превзошла саму себя: цветы, свечи, торт, подарки, в общем, все как полагается.

– Что подарили?

– Стереоустановку в машину и еще кучу подарков, которые я даже не вскрыла.

– Вау!

– Да уж, – кивнула я. – Ладно, пойду спать.

– Что с рукой?

Беззвучно выругавшись, я залилась краской.

– Ничего, поскользнулась.

– Белла! – вздохнув, покачал головой Чарли.

– Спокойной ночи, папа!

Я поспешила в спальню, где хранилась пижама для ночей вроде этой, и вместо заношенного до дыр флисового костюма кое-как втиснулась в просторные брюки-карго и подходящий по цвету топ. Рана ныла, я даже морщилась от боли. Одной рукой я ополоснула лицо, почистила зубы и побежала в комнату.

Каллен сидел на кровати, лениво играя с одним из серебристых свертков.

– Привет! – без всякой радости проговорил он. Ну вот, депрессия...

Я подошла ближе, забрала подарки и уселась к нему на колени.

– Эй!.. – Я прильнула к каменной груди. – Можно открыть?

– Откуда такой энтузиазм?

– Сам заинтриговал!

Первым выбрала плоский длинный сверток, по всей вероятности, от Карлайла с Эсми.

– Лучше дай мне, – со вздохом предложил Каллен, стремительным движением сорвал серебристую обертку и протянул белую прямоугольную коробочку.

– Доверишь поднять крышку? – съязвила я.

Внутри был длинный картонный формуляр с огромным количеством мелко набранного текста. Пока сообразила, что к чему, прошло не менее минуты.

– Мы летим в Джексонвилл? – Плохого настроения как не бывало. Туристический ваучер на два авиабилета для нас с Эдвардом!

– Так и было задумано.

– Поверить не могу! Рене с ума сойдет! Слушай, а ты-то согласен? Там ведь солнечно, придется весь день сидеть взаперти.

– Постараюсь справиться, – нахмурился Эдвард. – Знал бы, какая будет реакция, заставил бы открыть подарок перед Карлайлом и Эсми. Мне почему-то казалось, что ты рассердишься.

– Ну, конечно, все это слишком, зато полетим вместе!

– Теперь жалею, что сам не купил подарок. Оказывается, здравый смысл у тебя все-таки присутствует.

Я отложила ваучер и, стораю от любопытства, потянулась за его подарком. Однако распаковать мне его так и не позволили.

Доля секунды – и Каллен протянул подарочный футляр с серебристым диском внутри.

– Что это? – растерянно спросила я.

Эдвард молча забрал диск, вставил в плеер, пылившийся на прикроватной тумбочке, и нажал на воспроизведение.

Полилась музыка.

Я слушала с широко раскрытыми от изумления глазами. Эдвард явно ждал какой-то реакции, но язык не повиновался. Откуда ни возьмись, появились непрошеные слезы, их пришлось вытереть, пока не покатались по щекам.

– Рука болит? – с тревогой спросил Каллен.

– Нет, дело не в этом... Милый, музыка просто чудо, о лучшем подарке и мечтать нельзя. Даже не верится... – Я осеклась, вся обратившись в слух.

Это музыка Эдварда, композиции его собственного сочинения, а первой шла моя колыбельная.

– Ты ведь не позволила бы купить рояль, чтобы я мог играть прямо здесь?

– Конечно, нет!

– Как рука?

– В полном порядке!

На самом деле под повязкой будто пожар полыхал. Лед, мне срочно нужен лед! Ладонь Эдварда тоже подойдет, однако просить нельзя – сразу обо всем догадается.

– Сейчас принесу тайленол.

– Ничего не нужно, – возразила я, но Каллен пересадил меня на кровать и направился к двери.

– Чарли!.. – прошипела я.

Папа не подозревал, что мой бойфренд частенько остается ночевать. Узнай он об этом, у него инфаркт случится. Однако виноватой я себя не чувствовала: ничем предосудительным мы не занимались.

– Он меня не поймает, – пообещал Эдвард, беззвучно исчез за дверью и... вернулся еще раньше, чем она коснулась рамы, держа чистый стакан и упаковку тайленола.

Таблетки я выпила, не сказав ни слова: что толку спорить, если наверняка проиграю? Тем более рука с каждой секундой беспокоила все сильнее.

В комнате до сих пор звучала колыбельная: звуки мягкие, спокойные, умиротворяющие.

– Уже поздно, – заявил Эдвард. Р-раз – он сгреб меня в охапку, два – приподнял одеяло, три – уложил на кровать и заботливо укрыл. Сам лег рядом, но поверх одеяла, чтобы я не замерзла, и обнял.

Положив голову на его плечо, я счастливо улыбнулась:

– Спасибо...

– Не за что!

Мы долго молчали, а колыбельная тем временем кончилась, и зазвучала любимая песня Эсми.

– О чем думаешь? – шепотом спросила я.

– Ну... взвешиваю все «за» и «против», – после секундного колебания ответил он.

По спине побежали мурашки.

– Помнишь, я попросила не игнорировать мой день рождения? – Надеюсь, отвлекающий маневр был не слишком явным.

– Да, – осторожно проговорил Эдвард.

– Так вот, поскольку праздник еще не закончился, хочу, чтобы ты снова меня поцеловал.

– Ты сегодня такая жадная!

– Ну, если не хочешь, не надо себя заставлять, – съязвила я.

Хохотнув, Каллен тяжело вздохнул.

– Не дай бог мне себя заставлять! – с непонятным отчаянием проговорил он и, обняв за шею, прильнул ко мне.

Поцелуй начался как всегда: Эдвард соблюдал осторожность, а мое сердце несло бешеным галопом. Однако потом что-то изменилось: его губы стали требовательнее и настойчивее, а руки, зарывшись в мои волосы, не давали отстраниться. Я и не желала, и, хотя, играя с бронзовыми прядками, фактически перешла дозволенные границы, он впервые не сказал «стоп». Через тонкое одеяло тело Эдварда казалось очень холодным, но я к нему так и льнула.

Вдруг все резко закончилось: ласковые и сильные руки Каллена просто держали меня на расстоянии.

Я откинулась на подушки: голова кружилась, как после американских горок, и мучили обрывки каких-то воспоминаний...

– Прости... – Господи, да у него тоже дыхание сбилось! – Я не имел права...

– Разве кто возражает? – Я буквально умирала от желания.

– Белла, постарайся заснуть, – нахмурился Эдвард.

– Нет, хочу еще один поцелуй!

– Похоже, ты переоцениваешь мои волевые качества.

– Что соблазнительнее: мое тело или моя кровь?

– Пожалуй, одинаково. – Усмехнувшись, он мгновенно посерьезнел. – Слушай, может, перестанешь испытывать судьбу и попытаешься заснуть?

– Договорились, – кивнула я, крепче к нему прижимаясь. Сил в самом деле почти не осталось. Во многих отношениях день получился трудным, но, как ни странно, облегчения я не испытывала. Казалось, завтра будет еще хуже. Конечно, глупо: что может быть хуже, чем сегодня? Наверное, так с некоторым опозданием проявляется шок.

Я украдкой коснулась рукой плеча Каллена, чтобы прохладная кожа успокоила пылающий под повязкой пожар. М-м-м, сразу полегчало.

Уже засыпая, я наконец сообразила, о чем напомнил поцелуй. Весной, когда пришлось разделить, чтобы сбить со следа Джеймса, Эдвард поцеловал меня, не зная, увидит ли снова. Его губы казались горько-сладкими, как и сегодня... Но почему, где связь? Содрогаясь, будто в предвкушении кошмара, я провалилась в забытие.

Глава третья

Конец

Наутро я чувствовала себя просто ужасно. Естественно, не выспалась, рука пылала, голова раскалывалась. Еще хуже стало после того, как Эдвард, чмокнув меня в лоб, выскользнул в окно. Наверное, пока я спала, взвешивал свои «за» и «против»... От страха и волнения голова загудела еще сильнее.

Каллен, как всегда, ждал у школы. Лицо по-прежнему чужое, а глаза скрывали тайну, которую я не могла разгадать. Про вчерашнее говорить не хотелось, но вдруг, умолчав о своих тревогах, сделаю еще хуже?

Эдвард открыл дверцу пикапа:

– Как себя чувствуешь?

– Отлично, – соврала я и поморщилась: грохот захлопнувшейся дверцы безжалостно терзал уши.

Мы молча шли к школе: чтобы не обогнать меня, Каллену приходилось делать шаги в два раза короче обычных. Накопилась масса вопросов, однако большую часть придется задать позднее, потому что они предназначаются Элис. Как Джаспер вел себя утром? О чем они говорили после того, как Эдвард меня увез? Как держалась Розали? И самое главное: что показывают ее странные, порой обманчивые видения? Известно, почему брат погрузился в апатию? Есть ли причина у безотчетного страха, от которого мне никак не удастся избавиться?

Казалось, утро никогда не кончится. Страшно хотелось увидеть Элис, хотя я понимала, что при Эдварде с ней поболтать не удастся. Он вел себя как чужой, лишь время от времени спрашивал, как рука.

На ленч подруга всегда приходила одной из первых: она ведь не такая копуша, как я! Но сегодня столик пустовал: ни Элис, ни подноса с едой, к которой она не притрагивалась.

Эдвард ее отсутствие никак не объяснил. Я решила было: ее класс задержали, однако тут увидела Коннера и Бена, у которых четвертым уроком тоже стоял французский.

– Где Элис? – с тревогой спросила я Каллена.

Золотистые глаза сосредоточились на батончике мюсли, который он крошил пальцами.

– С Джаспером.

– С ним все в порядке?

– Некоторое время будет отсутствовать.

– Что? Куда направился Джаспер?

– Да так...

– И Элис, значит, тоже, – с безысходностью прошептала я.

– Да, сестра на время отлучилась. Убедила Джаспера поехать в Денали.

В Денали жила еще одна необычная семья вампиров – дружелюбных «вегетарианцев», вроде Калленов. Таня и ее родственники – я то и дело о них слышала. Прошлой зимой, когда мое появление сделало Форкс небезопасным, Эдвард сам их навещал. Там же нашел пристанище Лоран – самый цивилизованный из спутников Джеймса, вместо того чтобы вместе с ним выступить против Карлайла. В общем, неудивительно, что Элис решила отвезти Джаспера в Денали.

Нервно сглотнув, я пыталась избавиться от образовавшегося в горле комка. Чувство вины снутило плечи и не давало поднять глаза. Боже, из-за меня они сорвались с насиженного места! Я как чума, самая настоящая чума...

– Рука болит? – заботливо спросил Каллен.

– Кого волнует чертова рука? – раздраженно пробормотала я.

Он не ответил, и я закрыла лицо руками.

К концу дня молчание стало просто нелепым. Нарушать его не хотелось, но, похоже, выбора не было, если, конечно, я рассчитываю продолжить общение с Эдвардом.

– Приедешь вечером? – поинтересовалась я, когда он молча провожал меня до пикапа.

– Вечером?

Хорошо хоть удивился!

– Я же работаю! Мы с миссис Ньютон поменялись сменами, чтобы освободить вчерашний день.

– Ах да... – пробормотал Эдвард.

– Так приедешь, когда я вернусь домой? – Я очень боялась, что нет.

– Если хочешь.

– Конечно, хочу, как всегда! – напомнила я, пожалуй, даже с чрезмерным пылом.

Надеялась, он засмеется, улыбнется... хоть как-то отреагирует.

– Ну, тогда ладно, – равнодушно проговорил Каллен, чмокнул в щеку, захлопнул дверцу и грациозно, как танцор, зашагал к своему «вольво».

Отчаянно борясь с паникой, я выехала со стоянки.

Время, Эдварду просто нужно время. Может, он грустит, потому что семья разъезжается? Но ведь Элис с Джаспером скоро вернутся, и Эмметт с Розали тоже. Если нужно, близко не подойду к белому дому у реки, ноги моей там не будет. Это совсем не важно: с Элис мы будем в школе видаться. Она ведь вернется в школу, верно? Да и к нам домой постоянно заходит... Она же не разобьет сердце Чарли, неожиданно перестав навещать?!

По Карлайлу тоже скучать не придется: в операционную я попадаю с завидной регулярностью. Если разобраться, вчера вечером ничего страшного не произошло. Все в полном порядке... Подумаешь, упала! Со мной такое происходит сплошь и рядом. Пустяк по сравнению с тем, что случилось весной. Джеймс тогда высосал все силы, я чуть не умерла от кровопотери, и все-таки бесконечные недели в больнице Эдвард переносил куда лучше, чем нынешнюю ситуацию. Может, потому, что на этот раз пришлось бороться не с врагом, а со сводным братом?

А что, если мы уедем? Тогда его семья не будет распадаться... Как представила нашу совместную жизнь, на душе тотчас полегчало. Продержаться бы до конца учебного года – тогда и Чарли помешать не сможет. Поступим вместе в колледж... или притворимся, как сделали Эмметт и Розали. Эдвард подождет... Что для бессмертного год? Это и для меня недолго.

Почти спокойная, я заглушила двигатель и выбралась из пикапа. Майк Ньютон сегодня приехал первым и, увидев меня, помахал рукой. Взяв форменный жилет, я рассеянно кивнула: перед глазами до сих пор мелькали соблазнительные картинки жизни с Эдвардом в разных экзотических местах.

– Как день рождения? – прервал сладкие грезы Майк.

– Ну-у, – протянула я, – хорошо, что все позади.

Ньютон посмотрел на меня как на ненормальную.

Смена тянулась скучно и медленно. Страшно хотелось увидеть Эдварда. Боже, только бы он справился с тем, что его терзает! «Все в порядке, все в полном порядке, – словно мантру повторяла про себя я. – Все наладится».

Вечером, свернув к дому Чарли, я увидела серебристый «вольво». Волны облегчения накрыли с головой, даже неловко стало.

– Папа! Эдвард! – закричала я, открывая входную дверь. Из гостиной доносились характерные звуки спортивного канала.

– Мы здесь! – отозвался Чарли.

Повесив плащ, я поспешила на голос.

Эдвард – в кресле, отец – на диване, глаза обоих прикованы к телевизору. Для Чарли вполне обычно, а вот для Каллена...

– Привет! – неуверенно проговорила я.

– Привет, Белла! – даже не взглянув на меня, отозвался папа. – Мы только что перекусили холодной пиццей, по-моему, еще осталось.

– Угу... – Я остановилась у двери.

Наконец Эдвард обернулся: на губах вежливая улыбка.

– Сейчас приду, – пообещал он и снова приклеился к телевизору.

Не зная, на что решиться, я прождала целую минуту. Меня не замечали. Что-то подозрительно похожее на панику стальным обручем сжало грудь. Ладно, пойду на кухню.

Пицца меня не интересовала. Устроившись на любимом стуле, я подтянула колени к груди.

Случилось нечто ужасное, я чувствую это. Из гостиной доносился шум трибун и добродушное подшучивание комментатора.

Нужно успокоиться и взять себя в руки. «Какая самая страшная из всех бед?» – содрогаясь, думала я. Нет, вопрос неправильный. У меня от страха сбилось дыхание.

«Какая самая страшная из всех бед, что я смогу пережить?» Эта версия тоже не нравилась, хотя некоторые варианты ответов я уже обдумала.

Разрыв с Калленами. Элис, конечно, в этом участвовать не станет, но, не встречаясь с Джаспером, я и ее буду видеть реже. Ладно, это точно смогу пережить.

Отъезд. Вдруг Эдвард не захочет дожидаться окончания учебного года и уезжать придется сейчас?

Передо мной на столе подарки Чарли и Рене – там же, где я их оставила: фотоаппарат, который у Калленов я так и не опробовала, альбом... Я погладила декоративную обложку и вздохнула. Мама... Мы уже год живем порознь, но от этого смириться с полным разрывом ничуть не легче. А Чарли останется совсем один... Да, для папы с мамой это будет настоящий удар!

Но ведь мы вернемся? И конечно же, будем приезжать в гости?

Кто знает...

Прижавшись щекой к колену, я смотрела на материальное воплощение родительской любви. Конечно, избранный мной путь легким быть не мог, да и накручивать себя ни к чему – это крайность, наихудший из возможных сценариев.

Машинально я открыла альбом. А что, запечатлеть мое пребывание в Форксе не такая уж плохая идея. Не терпелось взяться за дело: кто знает, сколько времени осталось провести в этом городке?

Взяв фотоаппарат, я вдруг вспомнила первый снимок. Интересно, он получится близким к... хм... оригиналу? Сомневаюсь! Хотя, по-моему, Эдварда это не особо волнует. Вспомнив его беззаботный смех, я улыбнулась, а потом улыбаться расхотелось: столько всего изменилось, и так внезапно! Я будто застыла на краю бездонной пропасти...

Все, не могу больше об этом думать! Прихватив фотоаппарат, я понеслась на второй этаж.

За семнадцать лет, что прошли с маминого отъезда, моя комната практически не изменилась: те же бледно-голубые стены и желтоватые занавески. Правда, место колыбели заняла кровать, но Рене узнала бы небрежно брошенное на матрас одеяло – его давным-давно подарила бабушка.

Я решила сфотографировать комнату. На улице темнело, а странное желание с каждой секундой становилось все настойчивее. Итак, до отъезда зафиксирую на пленке весь Форкс!

Чувствовалось: грядут перемены. Ощущение не из приятных, но ведь жизнь вообще трудная штука.

Нарочно растягивая время, я вернулась на лестницу. Даже под ложечкой засосало: боже, только бы не видеть в глазах Каллена ледяную отчужденность! Наверняка сейчас заявит, что пора уезжать... А я не буду капризничать, ни слова не скажу, потому что к такому повороту событий давно готова.

Я прокрадась с фотоаппаратом в гостиную. Казалось, Эдварда невозможно застичнуть врасплох, – а он даже глаз не поднял. По спине пробежал предательский холодок, но я быстро взяла себя в руки и сделала снимок.

Лишь тогда на меня обратили внимание: папа нахмурился.

– Белла, зачем? – с упреком спросил Чарли.

– Да ладно тебе! – Растянув губы в улыбке, я опустила на пол перед диваном. – Сам знаешь, мама будет звонить и интересоваться, пользуюсь ли я подарками. Обижать ее не хочется, значит, пора браться за работу!

– Но меня-то зачем снимать?

– Потому что ты такой красавчик! – беззаботно отозвалась я.

Чарли пробормотал что-то нечленораздельное.

– Эй, Эдвард, – с восхитительным спокойствием и равнодушием позвала я, – щелкни меня с папой!

Бросив ему фотоаппарат, я опустилась на диван рядом с Чарли.

– Улыбнись, Белла! – шепотом попросил папа.

Я сделала счастливое лицо, и гостиную озарила яркая вспышка.

– Давайте теперь я вас вдвоем, – предложил Чарли. Понятно, пытается отвести от себя объектив!

Фотоаппарат полетел к отцу.

Я встала рядом с Эдвардом, принимая формальную и столь необычную для себя позу. Каллен меня обнял, а я прильнула к его груди. Хотелось заглянуть в золотисто-карие глаза, только смелости не хватило.

– Белла, давай повеселее! – напомнил папа.

Набрав в легкие побольше воздуха, я растянула губы в улыбке. Вспышка меня ослепила.

– Хватит на сегодня снимков, – заявил папа, пряча фотоаппарат среди диванных подушек. – Необязательно использовать целую пленку.

Эдвард тотчас вырвался из объятий и уже через секунду вновь сидел в кресле.

Умирая от страха, я опустила на диван. Руки тряслись; зажав их между коленями, я подняла к телевизору невидящие глаза. Пока матч не кончился, я даже пошевелиться боялась, а потом краем глаза заметила: Эдвард встал.

– Мне пора, – объявил он.

– Ладно, пока, – не отрываясь от рекламы, пробормотал Чарли.

Я неловко поднялась – от долгого сидения затекли ноги – и вслед за Эдвардом двинулась к двери. Каллен, не останавливаясь, прошел к машине.

– Не останешься? – безнадежно спросила я.

Предугадать ответ было несложно, поэтому особой боли он не причинил.

– Не сегодня.

Пожалуй, причину лучше не выяснять...

Эдвард сел в машину и уехал, а я не могла пошевелиться, будто примерзла к подъездной дорожке. Начался дождь, а я все ждала, сама не зная чего, пока за спиной не открылась дверь.

– Беллз, ты что тут делаешь? – спросил Чарли.

– Ничего. – Обернувшись, я побрела в дом.

Той ночью наконец удалось выспаться.

Едва за окнами забрезжил свет, я проснулась, механически собралась в школу и терпеливо ждала, пока тучи из свинцовых не стали серыми. Когда доела корнфлекс, скупых лучей

солнца для фотосъемок было вполне достаточно. Я сняла пикап, фасад дома, а затем, повернувшись к нему спиной, лесную опушку. Удивительно, но лес уже не казался зловещим; напротив, я поняла, что буду скучать по зелени, вековым тайнам, прохладе – всему, что так или иначе с ним связано.

Захватив фотоаппарат в школу, я старалась думать о своем новом хобби, а не о том, справился ли Эдвард с депрессией.

Помимо страха родилась тревога: как долго все это будет продолжаться?

В первой половине дня ничего не изменилось: Каллен следовал за мной словно тень, но не заговаривал и в глаза не смотрел. Я попыталась сосредоточиться на уроках, однако витала в облаках даже на любимой литературе. Мистеру Берти пришлось дважды повторить вопрос о Капулетти, прежде чем я поняла, что он обращается ко мне. Эдвард подсказал правильный ответ и снова отдался необъяснимой депрессии.

Во время ленча молчание продолжалось. Все – еще немного, и я закричу! Чтобы отвлечься, я пересекла невидимую демаркационную линию и заговорила с Джессикой:

– Эй, Джесс, не поможешь?

– А что такое?

– Ну... – я полезла в рюкзак, – мама хочет увидеть фотографии моих друзей. Сними всех, кто сидит за столиком, ладно?

– Да, конечно, – ухмыльнулась девушка, взяла фотоаппарат и уже через секунду шелкнула Майка с набитым ртом.

Все, классные фотографии гарантированы! На моих глазах одноклассники чуть не дрались из-за подарка Чарли, кокетничали, прихорашивались. Надо же, как дети! Или дело в моем настроении? Обычные шутки воспринимать разучилась!

– Ой-ой! – возвращая фотоаппарат, покачала головой Джессика. – Мы почти всю пленку истратили.

– Ничего страшного, я специально кадры оставила.

После уроков Эдвард проводил меня на стоянку.

По дороге в магазин я оставила пленку в фотолаборатории, а вечером забрала готовые снимки. Вернувшись домой, чмокнула в щеку Чарли и понесла коричневый пакет с фотографиями к себе в комнату.

Опустившись на кровать, я с любопытством и некоторой опаской разорвала плотную бумагу. Почти уверенная: первый кадр будет пустым.

Достав снимок, я громко ахнула: Эдвард, не менее красивый, чем в жизни, смотрел на меня теплым золотым взглядом. Боже, ну как можно быть таким... непостижимо прекрасным?! Сотни тысяч слов не хватит, чтобы описать любимое лицо!

Быстро просмотрев остальные снимки, я отложила три на прикроватную тумбочку.

Первый – портрет Каллена, он сидит на кухне и смотрит в объектив с мягким, всепрощающим изумлением. На втором они с Чарли следят за бейсбольным матчем. Господи, как он изменился: в глазах опасение, тревога, настороженность. Мой любимый по-прежнему обворожителен, но красота эта холодная, безжизненная, как у статуи.

На третьей – мы с Эдвардом в заштампованно-формальной позе. В глазах у него ни света, ни тепла; а самое ужасное – колоссальная, невооруженным глазом заметная разница между нами. Он настоящий бог, я воплощение заурядности, серость и посредственность, причем до обидного непривлекательная. Не сдержавшись, я швырнула фотографию на пол.

Вместо домашнего задания я занялась заполнением альбома: раскладывала снимки и аккуратно надписывала имена и даты. Дойдя до нашего совместного снимка, недолго думая, согнула его пополам и заправила в металлический уголок так, чтобы было видно только Эдварда.

Закончив, я упаковала второй набор снимков в чистый конверт и написала длинное благодарственное письмо Рене.

Эдвард не появился... Когда в последний раз он оставлял меня одну, вот так, без предупреждения?

Выспаться не удалось.

В школе царила гнетущая тишина, к которой за последние два дня я начала понемногу привыкать. Увидев ждущего на стоянке Эдварда, я было обрадовалась, а потом сникла: лицо по-прежнему чужое.

С чего все началось, уже и не вспомнить: день рождения-то давно отгремел... Только бы Элис вернулась! Скорее, пока все не зашло слишком далеко...

Хотя рассчитывать на нее не стоит. Значит, так: если сегодня не поговорим, по-настоящему не поговорим, завтра поеду к Карлайлу. Сил нет сидеть и ждать неизвестно чего.

После уроков обязательно все выясню, хватит, больше никаких отговорок!

Мы вместе шли к пикапу, и я собиралась с духом, чтобы выполнить задуманное.

– Можно я к тебе приеду? – опередив меня, спросил Каллен.

– Да, конечно.

– Прямо сейчас? – уточнил он, открывая передо мной дверцу.

– Естественно. – Я старалась говорить спокойно, но настойчивость Эдварда казалась подозрительной. – Только по дороге заскочу на почту, отправлю письмо Рене.

Золотисто-карие глаза метнулись к пухлому конверту, что лежал на пассажирском сиденье, а проворные пальцы ловко его схватили.

– Лучше я сам отправлю, – тихо предложил он. – Все равно быстрее тебя приеду. – На губах заиграла моя любимая кривая улыбка, однако глаза остались холодными и настороженными.

– Ладно, – не в силах ответить на улыбку согласилась я.

Каллен захлопнул дверцу и зашагал к «вольво».

Эдвард в самом деле меня опередил. Когда свернула к дому Чарли, серебристая машина уже стояла на подъездной дорожке. Плохой знак: видимо, на ночь он не останется. Покачив головой, я сделала несколько глубоких вдохов: нужно собрать всю свою отвагу.

Каллен вышел из машины одновременно со мной и зашагал навстречу. Протянув руку, забрал у меня рюкзак. Это вполне нормально, только зачем бросать его на заднее сиденье?

– Пойдем прогуляемся, – бесцветным голосом произнес он.

«Не к добру все это, ой не к добру», – заявил мой внутренний голос.

Не дождавшись ответа, Эдвард потащил меня через двор к лесной опушке. Я неохотно послушалась: страх парализует мозги, но думать-то надо! Вроде бы именно об этом и мечтала, мечтала прояснить ситуацию раз и навсегда.

Так откуда паника?

Несколько шагов в сторону леса, и Эдвард остановился. Раз видно дом, значит, мы еще даже на тропу не вышли.

Вот и вся прогулка.

Прислонившись к дереву, Каллен пронзил меня пустым, ничего не выражающим взглядом.

– Ладно, давай поговорим, – храбрилась я.

Эдвард тяжело вздохнул:

– Белла, мы уезжаем.

Теперь пришла моя очередь вздохнуть. Что же, вариант вполне приемлемый, я к нему готова.

– Почему сейчас? Еще один год...

– Белла, время пришло. Да и вообще, сколько можно сидеть в Форксе? Карлайл с трудом на тридцатилетнего тянет, а утверждает, что ему тридцать три. Все равно пришлось бы трогаться...

Честно говоря, ответ меня смутил. Я ведь собралась уезжать для того, чтобы оставить в покое Калленов. Раз они сами покидают Форкс, зачем нам сниматься с места? Я непонимающе смотрела на Эдварда.

Любимые глаза холодно блеснули, и у меня земля ушла из-под ног: вот в чем дело...

– «Мы» означает... – шепотом начала я.

– Мою семью и меня, – лишая последней надежды, отчеканил Каллен.

Пытаясь сосредоточиться, я качала головой туда-сюда, словно китайский болванчик. Дар речи вернулся лишь через несколько минут.

– Ладно, я поеду с вами.

– Нет... Там, куда мы отправляемся, людям не место.

– Мое место рядом с тобой.

– Белла, я тебе не пара.

– Чепуха! – Вопреки ожиданиям, мой голос звучал не нервно, а умоляюще. – Ты самое лучшее, что есть в моей жизни.

– Наш мир тебе не подходит.

– Инцидент с Джаспером – ерунда, самая настоящая ерунда!

– Да, верно, чего-то подобного и стоило ожидать.

– Ты же обещал! Помнишь, в Финиксе обещал не бросать...

– Пока тебе это на пользу, – перебив меня, поправил Эдвард.

– Нет! Это из-за моей души, верно? – брызнула слюной я, но в голосе по-прежнему слышалась мольба. – Карлайл объяснил, и мне все равно. Да, представь, все равно! Моя душа принадлежит тебе... И сердце, и жизнь!

Набрав в легкие побольше воздуха, Эдвард целую минуту сверлил землю невидящим взглядом. Губы скривила чуть заметная ухмылка. Когда он посмотрел на меня, в глазах вместо золотого сияния появился холодный зимний блеск.

– Белла, я не хочу, чтобы ты со мной ехала, – с расстановкой четко проговорил он, глядя на меня ледяными глазами.

Несколько раз повторив про себя его слова, я постепенно усвоила их смысл.

– Ты... не хочешь... меня... знать? – выдавила я. Боже, какой ужасный вопрос!

– Да.

Я непонимающе смотрела на Эдварда, а он без тени смущения – на меня. Его глаза как топазы, жесткие, прозрачные, бездонные. Утопая в их ледяной глубине, я нигде не видела опровержения тому, что он сказал.

– Ну, это все меняет... – Удивительно, мой голос звучит спокойно и рассудительно... Наверное, все дело в шоке, сознание отказывается воспринимать слова.

Каллен нерешительно взглянул на деревья.

– Конечно, я всегда буду любить тебя... По-дружески... Но то, что произошло в твой день рождения, доказывает: пришло время перемен. Потому что я... устал притворяться. Белла, я не человек! – Он отвел глаза, и ледяные черты его лица действительно показались нечеловеческими. – Прости, что я позволил нашим отношениям зайти слишком далеко.

– Пожалуйста, не делай этого... – Мой голос превратился в чуть слышный шепот; страшная правда постепенно проникала в сознание, разъедающая его, словно кислота.

Каллен, не мигая, смотрел на меня, в безжалостных глазах я прочла приговор. Ничего не поможет, он уже принял решение.

– Белла, ты мне не пара. – Он перекроил произнесенную раньше фразу, чтобы мне было нечего возразить. Я же прекрасно понимаю, что недостаточно хороша для Эдварда Каллена.

Я открыла рот, потом безвольно закрыла. Эдвард терпеливо ждал: на красивом лице ни следа эмоций. Нужно попробовать снова.

– Если... если ты правда так хочешь...

Каллен коротко кивнул.

По телу расплзлось оцепенение, я даже шею не чувствовала.

– Если можно, я бы хотел попросить об одолжении.

Вероятно, Каллен что-то уловил в моем взгляде, потому что ледяные черты на секунду потеплели. Однако не успела я оценить ситуацию, как он снова надел маску.

– Да, конечно! – воскликнула я чуть окрепшим голосом.

В долю секунды все изменилось: лед растаял, замерзшие топазы закипели, увлекая в обжигающий водоворот.

– Не смей творить глупости! Поняла?

Я бессильно кивнула.

Топазы остыли, на лицо снова легла отчужденность.

– В первую очередь я думаю о Чарли. Ты единственный близкий ему человек. Береги себя хотя бы ради него.

– Хорошо, – механически кивнув, прошептала я.

Каллен немного успокоился.

– Я тоже кое-что пообещаю. Обещаю, что это наша последняя встреча. Я не вернусь и страданий тебе больше не причиню. Ты сможешь жить полноценной жизнью, будто никогда меня не знала.

Наверное, колени у меня задрожали, потому что деревья вдруг начали раскачиваться. В висках громко стучала кровь, а голос Эдварда с каждой секундой звучал все тише.

– Не переживай. Ты человек, а память у вас словно сито. Время залечит все раны...

– А как с твоими воспоминаниями? – прохрипела я. Казалось, в горле что-то застряло и мешает дышать.

– Ну... – на секунду Эдвард запнулся, – я-то, конечно, не забуду. Но мне подобные... мы умеем отвлекаться. Ладно, – он отступил к чаще, – мы тебя больше не побеспокоим.

«Мы», почему он сказал «мы»? Странно, что я вообще заметила это в таком состоянии!

Ясно, Элис не вернется. Удивительно, что Эдвард услышал мои слова, вслух-то я их не произнесла.

Внимательно за мной наблюдая, Каллен покачал головой:

– Нет, они ушли. Остался один я, чтобы попрощаться.

– Элис тоже ушла? – бесцветным от боли голосом спросила я.

– Она хотела задержаться, но я убедил: полный разрыв будет менее болезненным.

Кружилась голова, сосредоточиться никак не удавалось. Слова Эдварда вернули в больницу Финикса. «Полный разрыв и чистый перелом всегда лучше, – заявляет доктор, показывая рентгеновский снимок моей разбитой руки. – Быстрее заживают».

Я попыталась привести в порядок дыхание. Нужно сосредоточиться и найти выход из этого кошмара.

– Прощай, Белла! – спокойно, как ни в чем не бывало, проговорил Каллен.

– Подожди! – выдавила я и, приказывая онемевшим ногам двигаться, потянулась к нему.

Казалось, Эдвард хотел меня обнять... но холодные пальцы сомкнулись вокруг запястий, отводя мои руки за спину. Он наклонился и на сотую долю секунды прильнул губами к моему воспаленному лбу. Я зажмурилась.

– Береги себя!

Неожиданно налетел прохладный ветерок, и я испуганно распахнула глаза. Маленький клен хлопал листьями.

Ушел...

На дрожащих ногах я бросилась за ним в лес, прекрасно понимая, что спешу напрасно. Следы Каллена мгновенно исчезли, не осталось ни примятой травы, ни отпечатков подошв на влажной земле, а я бездумно брела вперед. Что мне оставалось? Только идти в никуда. Если брошу поиски и сдамся, все будет кончено. И любовь, и имеющая смысл жизнь – кончатся...

Шаг за шагом, метр за метром в лесную чащу... Время будто застыло: секунды казались часами, а часы секундами. Возможно, так получилось потому, что лес везде был одинаковым. Кто знает, вдруг я хожу по кругу? И все равно надо идти, останавливаться нельзя... Я то и дело спотыкалась и все чаще падала.

Под конец я налетела на что-то черное, не удержалась на ногах и не смогла подняться. Повернувшись на бок, чтобы привести в порядок дыхание, свернулась в клубок на мокром папоротнике.

Я так и лежала, понимая: времени прошло больше, чем кажется. Интересно, как давно сгустились сумерки? Здесь всегда так темно? Да нет, лунный свет наверняка проникает в просветы между облаками и сквозь густой полог листьев.

Только не сегодня. Сегодня царил крошечная тьма. Наверное, новолуние...

Я дрожала, хотя холода не чувствовала.

А затем послышались голоса.

Кто-то звал меня по имени. Влажная листва приглушала крик, но звали, вне всякого сомнения, меня. Голос незнакомый, и я не знала, стоит ли отвечать. От горя и потрясения мысли текли медленно, и, когда я все-таки решила откликнуться, звать уже перестали.

Через некоторое время меня разбудил дождь. На самом деле я не спала, просто всеми силами цеплялась за ступор и оцепенение, помогающие отрешиться от ужасной правды.

Больше всего беспокоил не дождь, а холод. Отпустив судорожно сжатые колени, я закрыла лицо руками и вновь услышала голоса; на этот раз вдалеке. Как будто несколько человек зовут меня хором. Нужно набрать в грудь побольше воздуха и ответить. Только вот получится ли? Смогу ли я крикнуть достаточно громко?

Потом послышался совсем другой звук – сопение, звериное сопение. Причем зверь, похоже, не из мелких. Испугаться? Страха я не чувствовала, вообще ничего не чувствовала. Подумаешь, зверь!.. Сопение постепенно стихло.

Дождь лил как из ведра, по лицу текли ручейки холодной воды. Я собиралась с силами, чтобы повернуть голову, когда увидела свет.

Сначала это было неяркое, отражающееся от влажной листвы сияние. Озаряя ночной лес, оно становилось все ярче и ярче, пока не сконцентрировалось в луч фонаря. Фонарь вроде пропановый, но больше ничего понять не удалось – меня ослепило.

– Белла!

Мужчина не спрашивал, а словно подтверждал, что поиски увенчались успехом.

– Тебя ранили?

Вероятно, эти два слова имели какое-то значение, но я продолжала тупо смотреть перед собой. Разве сейчас меня волнуют вопросы совершенно незнакомому человеку?

– Я Сэм Адли.

Впервые слышу!

– Меня прислал Чарли.

Чарли? Уже теплее, нужно слушать повнимательнее. Чарли для меня по-настоящему важен.

Высокий мужчина протянул руку, а я тупо на нее смотрела, не зная, на что решиться.

Темные глаза смерили меня оценивающим взглядом; Сэм – р-раз! – поднял меня на ноги и сгреб в охапку.

Словно безвольную резиновую куклу!.. Наверное, следовало расстроиться: незнакомый мужчина схватил и тащит, будто так и надо. Но меня уже ничего не расстраивало.

Прошло не так много времени, прежде чем я увидела свет и услышала мужские голоса. Сэм Адли сбавил шаг.

– Я ее нашел!

На секунду гомон стал тише, потом снова усилился. Вокруг в бешеном калейдоскопе закружились лица. Однако в этом хаосе я слышала только голос Сэма, и то потому, что прижималась ухом к его груди.

– По-моему, она не пострадала. Только повторяет «он ушел».

Неужели я говорю вслух? М-м-м, лучше прикусить губу.

– Белла, милая, ты в порядке?

Этот голос я узнаю среди тысячи голосов, даже искаженный тревогой.

– Чарли? – испуганно пропищала я.

– Я здесь, дорогая.

Началась какая-то возня, а потом я почувствовала кожаный запах папиной куртки.

Чарли покачнулся: неужели я такая тяжелая?

– Давайте лучше я! – предложил Сэм Адли.

– Нет-нет, держу, – задыхаясь, прохрипел Чарли.

Папа двигался с трудом. Пусть поставит на ноги, пойду сама... Нет, не хватало сил сказать ни слова.

Повсюду свет, люди с фонарями... Надо же, как на параде или на похоронах. Я зажмурилась.

– Милая, мы почти дома, – то и дело бормотал папа.

Услышав, как щелкнул замок, я открыла глаза: мы на пороге, высокий смуглый Сэм придерживает дверь, протягивая одну руку к Чарли, чтобы в случае чего меня подхватить.

Но папа справился: занес меня в гостиную и положил на диван.

– Я мокрая и грязная...

– Ничего страшного, – хрипло ответил Чарли, потом обратился к кому-то другому: – Одежда в шкафу на втором этаже.

– Белла! – позвал незнакомый голос.

Я увидела седовласого старика и через несколько бесконечных секунд узнала его.

– Доктор Джеранди!

– Да, милая! Ты ранена?

Я задумалась. В лесу Сэм Адли задал подобный вопрос немного иначе: «Тебя ранили?» Разница есть, и довольно существенная.

Доктор Джеранди ждал. Седая бровь изогнулась, и морщины стали еще глубже.

– Нет, не ранена, – соврала я. Хотя для доктора это правда: сердечные раны его не интересуют.

Правая рука легла на мой лоб, а пальцы левой сжали запястье. Губы беззвучно шевелились: поглядывая на часы, доктор считал пульс.

– Что же случилось?

Пылающий лоб остыл, в горле появился отвратительный привкус паники.

– В лесу заблудилась? – не унимался доктор, и я почувствовала, как находящиеся в комнате прислушались. Трое высоких смуглых мужчин – наверное, из Ла-Пуш, резервации квилетов, что тянулась вдоль побережья, – в их числе и Сэм Адли, смотрели на меня во все глаза. В нашей гостиной мистер Ньютон с Майком, мистер Вебер, отец Анжелы... Из кухни и коридора тоже доносились голоса. Похоже, меня искало пол-Форкса!

Ближе всех Чарли; дожидаясь ответа, нагнулся над диваном.

– Да, – прошептала я, – заблудилась.

Доктор кивнул, тонкие пальцы ощупывали лимфатические узлы. Папа нахмурился.

– Ты устала? – спросил доктор Джеранди.

– Угу... – Я послушно закрыла глаза.

– Думаю, с ней все в порядке, – через несколько минут произнес доктор. – Обычное переутомление. Пусть выспится, а завтра я заеду. Точнее, уже сегодня, – добавил Джеранди, взглянув на часы.

Заскрипели пружины дивана: мужчины одновременно поднялись на ноги.

– Так это правда? – чуть слышным шепотом спросил Чарли. – Они действительно уехали?

– Доктор Каллен просил не распространяться, – ответил Джеранди. – Предложение поступило неожиданно, и ответ ждали срочно. Карлайл не хотел пышных проводов.

– Мог хотя бы предупредить, – буркнул папа.

– Ну да, особенно в такой ситуации, – смущенно пробормотал доктор Джеранди.

Дальше неинтересно... Нащупав уголок одеяла, которым меня укутали, я накрылась с головой.

Я то проваливалась в забытие, то просыпалась. Краем уха слышала: Чарли благодарит участников поисков и они один за другим уходят. Папа осторожно коснулся моего лба и накрыл вторым одеялом. Несколько раз звонил телефон, и он, не желая меня будить, брал трубку чуть ли не после первого гудка.

– Да, мы ее нашли, – шептал он звонившим. – Белла заблудилась. Да, с ней все в порядке, – и так снова и снова.

Судя по шорохам и скрипам, Чарли готовился ко сну.

Через несколько минут опять позвонили.

Чертыхаясь, папа встал и поплелся на кухню.

– Аллю! – пробормотал он, а потом в его голосе зазвучала тревога. – Где? – Повисла пауза. – Уверены, что за территорией резервации? – Снова пауза. – Но что они там жгут? – В голосе страх и тревога. – Конечно, сейчас позвоню и выясню.

Так, папа снова набирает номер... Надо сосредоточиться.

– Привет, Билли, это я, Чарли, извини, что беспокою в такую рань... Нет, с ней все в порядке. Отдыхает... Спасибо, но звоню не поэтому. Меня только что разбудила миссис Стэнли. Говорит, у нее с третьего этажа видно, как на прибрежных скалах полыхают костры. Я конечно же... О боже! – В папином голосе зазвенел металл: это раздражение или... злость? – Зачем? А-а... Неужели? – саркастически спросил он. – Передо мной можешь не извиняться. Смотри только, чтобы пламя не вышло из-под контроля... Знаю, знаю, удивительно, что в такую погоду костры вообще разгорелись... – Отец долго слушал, затем будто нехотя добавил: – Спасибо, что прислал Сэма и остальных. Ты прав: эти леса они знают куда лучше нас. Беллу нашел Адли, так что с меня причитается... Ладно, созвонимся.

Бормоча что-то несвязное, Чарли побрел обратно в гостиную.

– В чем дело? – спросила я.

Он тут же бросился ко мне.

– Прости, милая, мы тебя разбудили...

– Что-то горит?

– Ничего страшного. Просто на скалах жгут костры.

– Костры? – переспросила я. В моем голосе ни тени любопытства. Он какой-то... мертвый.

– Детишки из резервации хулиганят.

– Почему? – равнодушно поинтересовалась я.

Опустив голову, папа рассматривал узор на ковре.

– Отмечают хорошую новость, – с горечью произнес он.

Новость, как ни обманывай себя, была только одна. Да, все сходится...

– Каллены уехали... Как же я забыла: индейцам не нравится, что они живут в Ла-Пуш.

Квилеты верят в то, что «холодные», или кровопийцы, – исконные враги их племени, не меньше, чем в легенды о великом потопе и предков-оборотней. Обычные сказки, фольклор, однако некоторые относятся к этому серьезно, например старый друг отца Билли Блэк, хотя его собственный сын Джейкоб считает все это предрассудками. Билли велел мне держаться подальше от Калленов...

Имя всколыхнуло душу, и на поверхность стало подниматься нечто спрятанное глубоко внутри, о чем не хотелось даже думать.

Целую минуту мы молчали. Чернильное небо за окном стало кобальтовым: за дождевыми облаками занималась заря.

– Белла! – позвал Чарли.

Полная дурных предчувствий, я обернулась.

– Он бросил тебя в лесу?

Лучше ответить вопросом на вопрос.

– Откуда ты знал, где меня искать? – Я старательно пряталась от реальности, которая надвигалась, словно асфальтовый каток.

– Из твоей записки, – удивленно ответил папа, доставая из заднего кармана клочок бумаги, грязный и затертый, сотни раз перечитанный. Чарли протянул его, словно вещественное доказательство. Небрежный почерк удивительно похож на мой собственный.

«Ушла в лес с Эдвардом. Скоро буду. Б.».

– К ужину ты не вернулась, я стал звонить Калленам. Никто не отвечал, – тихо произнес Чарли. – Тогда я связался с госпиталем, и доктор Джеранди ответил, что Карлайл уехал.

– Куда они уехали? – спросила я.

– А Эдвард не сказал?

Внутренне съежившись, я покачала головой. Ну зачем папа назвал его по имени? Боль вырвалась наружу, налетела, ошеломила.

– Карлайлу предложили работу в крупной клинике Лос-Анджелеса. Думаю, хорошим жалованьем заманили.

Солнечный Лос-Анджелес... Туда они точно не поедут! Я вспомнила палящие лучи, отражающиеся от кожи, любимое лицо... и содрогнулась от невыносимой боли.

– Так Эдвард бросил тебя в лесу? – не унимался Чарли.

Боже, ну хватит меня мучить!.. Пытаясь избавиться от боли, я бешено мотала головой.

– Сама виновата. Он оставил меня на опушке, недалеко от дома, а я пошла за ним...

Остановить пыталась...

Чарли начал что-то говорить, но я по-детски заткнула уши.

– Папа, я больше не могу это обсуждать! Хочу в свою комнату...

Прежде чем он успел ответить, я соскочила с дивана и понеслась по лестнице.

В доме кто-то был, кто-то оставил записку, чтобы Чарли знал, где меня искать. Как только я это поняла, возникло страшное подозрение. Скорее в комнату! Закрыть дверь на замок и проверить плеер!

Вроде все точно так, как было утром. От нажатия кнопки медленно поднялась крышка.

Пусто!

Альбом, который подарила Рене, на кровати, там же, где я его оставила. Дрожащими руками я открыла обложку. Листать дальше первой страницы не пришлось. Металлические уголки на месте, а вот фотография... Осталась только моя кособокая надпись: «Эдвард Каллен. Кухня Чарли, 13 сентября».

Все, больше смотреть незачем, он вряд ли что-нибудь пропустил...

«Ты сможешь жить полноценной жизнью, будто никогда меня не знала», – обещал Каллен.

Пол в моей комнате гладкий, деревянный. Касаюсь его ступнями, теперь ладонями, а теперь – виском. Милый Господи, пусть я потеряю сознание! Увы... Волны страшной боли, прежде лизавшие ноги, поднялись и накрыли с головой.

А мне и не хотелось всплывать...

Октябрь

Ноябрь

Декабрь

Январь

Глава четвертая

Пробуждение

Время идет. Идет вопреки всему. Даже когда любое движение секундной стрелки причиняет боль, словно пульсирующая в синяке кровь. Идет неровно: то несется галопом, то тянется, как кленовый сироп. И все же оно идет. Даже для меня.

Чарли ударил кулаком по столу:

– Все, Белла, ты едешь домой!

Я оторвала глаза от корнфлекса, который скорее изучала, чем ела, и изумленно уставилась на отца. Нить беседы давно потеряна – разве мы вообще беседуем? – и я не знала, как понимать папины слова.

– А это разве не дом? – сконфуженно пробормотала я.

– Вернешься к Рене в Джексонвилл, – пояснил он.

Кипя от гнева, папа наблюдал, как до меня доходит смысл его слов.

– Что я сделала? – Как несправедливо! Четыре месяца я вела себя просто безупречно. После первой недели, о которой мы тактично молчали, ни разу не пропустила школу. Отлично училась. Не нарушала комендантский час (как же его нарушить, если вечерами сидишь дома?) и чуть ли не каждый день готовила горячий ужин.

– Ты ничего не делаешь – в этом вся беда, – нахмурился Чарли. – Никогда ничего не делаешь!

– Хочешь, чтобы у меня появились проблемы? – удивилась я. Как трудно поддерживать разговор! Я так привыкла отвлекаться от происходящего, что пробки в ушах образовывались сами собой.

– Лучше проблемы, чем... чем вечная хандра!

Обидно! Я же старалась не замыкаться в себе и не хандрить!

– Я не хандрю!

– Извини, неправильно выразился, – съязвил папа. – Даже хандра – это какая-то активность, а у тебя ею и не пахнет. Ты просто неживая... Да, Белла, именно неживая.

Обвинение попало точно в цель. Тяжело вздохнув, я попыталась ответить как можно эмоциональнее:

– Прости, папа! – Боюсь, получилось вяловато. Я-то думала, что обманываю Чарли для того, чтобы уберечь его от страданий. Тяжело сознавать, сколько усилий потрачено напрасно.

– Не надо извиняться.

– Хорошо, – вздохнула я, – тогда скажи, что делать.

– Белла, – нерешительно начал Чарли, внимательно следя за моей реакцией, – милая, ты ведь не первая, на чью долю выпадают подобные испытания...

– Да, знаю. – Моя ухмылка получилась слабой и неубедительной.

– Слушай, думаю... думаю, тебе нужна помощь.

– Помощь?

Папа заговорил не сразу, тщательно подбирая слова.

– Когда твоя мама уехала, – хмуро начал он, – и забрала тебя... Я впал в настоящую депрессию.

– Понимаю, – пробормотала я.

– Но я справился, – продолжил папа, – а вот ты не справляешься. Я ждал, надеялся, что дело пойдет на поправку. – Он взглянул на меня так, что пришлось отвести глаза. – Мы оба чувствуем: дело на поправку не идет.

– Со мной все в порядке.

Чарли не слушал.

– Может, тебе стоит с кем-нибудь поговорить? С профессионалом...

– Хочешь отправить меня к психоаналитику? – чуть резче ответила я, догадавшись, к чему клонит папа.

– Думаю, это поможет.

– А если нет?

Я не особо разбиралась в психоанализе, но понимала: не будучи честной, нельзя рассчитывать на помощь. Сказать правду? И провести остаток жизни в обитой войлоком палате?

Поняв, что я настроена решительно, Чарли изменил план действий.

– Белла, я бессилён. Вдруг мама...

– Слушай, – проговорила я бесцветным голосом, – если хочешь, я сегодня вечером пойду развлекаться. Сейчас позвоню Джесс или Анжеле.

– Я хочу вовсе не этого! – раздраженно проговорил он. – Ни разу не видел, чтобы человек так себя насиловал!

Я тупо устала в стол.

– Пап, я тебя не понимаю! Сначала злишься, что я ничего не делаю, потом запрещаешь гулять с подружками...

– Я хочу, чтобы ты была счастлива. Нет, даже не так: я не желаю, чтобы ты страдала, и думаю, что за пределами Форкса шансов будет больше.

В моих глазах полыхнула искра тщательно скрытого чувства.

– Я никуда не поеду.

– Почему?

– Я же школу заканчиваю, последний семестр, зачем все портить?

– Ты хорошо учишься – проблем не возникнет.

– Не хочу стеснять маму и Филя.

– Рене мечтает, чтобы ты вернулась.

– Во Флориде слишком жарко.

Папа снова треснул кулаком по столу:

– Белла, мы оба знаем, в чем тут дело! – Он набрал в грудь побольше воздуха. – За несколько месяцев ни писем, ни весточек, ни телефонных звонков. Нельзя же вечно его ждать!

Я мрачно посмотрела на Чарли. Щеки заливал густой румянец. Давно я не краснела от избытка чувств!

– Я ничего не жду. Ничего и никого.

– Белла... – глухо начал папа.

– Мне пора в школу, – перебила я, встала и схватила со стола нетронутый завтрак. Поставив миску в раковину, даже не потрудились ее вымыть. – Мы с Джессикой что-нибудь придумаем, – бросила я через плечо. – Может, к ужину не вернусь. – Стараясь не встречаться с папой глазами, я застегнула рюкзак. – Съездим в Порт-Анжелес, какой-нибудь фильм посмотрим.

Я бросилась вон из дома, не давая ему шанса ответить.

Сбежав от Чарли, я приехала в школу одной из первых. В результате, с одной стороны, удалось занять удобное место на стоянке, а с другой – образовалась уйма свободного времени, которого я сознательно себя лишала.

Быстро, стараясь не думать об обвинениях Чарли, я достала учебник по матанализу и, открыв новый раздел (именно его мы должны проходить сегодня), попыталась разобраться, что к чему. Читать про интегральные вычисления еще хуже, чем слушать, но я успешно боролась с отвращением. За последние несколько месяцев я уделила матанализу больше времени, чем за весь предыдущий семестр, и в результате выбилась чуть ли не в отличницы. Мистер Варнер считал мои успехи целиком и полностью результатом новаторских педагогических методик. Хочет в это верить – пожалуйста, зачем разрушать его иллюзии?

Я давилась математикой до тех пор, пока стоянка не заполнилась и не пришлось бежать на литературу. Мы проходили «Скотный двор» Оруэлла, произведение довольно незамысловатое. В принципе, я не против коммунизма, особенно после любовных романов, составляющих львиную часть программы. Устроившись на своем обычном месте, я с удовольствием слушала мистера Берти.

На уроках время летело быстро и незаметно. Не успела оглянуться – прозвенел звонок, пора собираться домой.

– Белла!

Узнав голос Майка, я заранее догадалась, что он скажет.

– Работаешь завтра?

Я подняла голову: с соседнего ряда на меня озабоченно смотрит Ньютон. Каждую пятницу он задавал один и тот же вопрос, притом что я ни разу не брала отгул. Ну, за исключением одного дня несколько месяцев назад... Между тем оснований для тревоги у Майка не было: я примерная работница.

– Завтра ведь суббота?

– Точно, – согласился Майк. – Ладно, увидимся на испанском. – Помахав рукой, он вышел из класса. До двери меня больше не провожает...

В мрачном расположении духа я поплелась на матанализ: придется сидеть с Джессикой, а она несколько недель, даже месяцев со мной не разговаривает. Понимаю, ей надоело мое вечное уныние и хандра... Да уж, разговаривать ее будет непросто, тем более попросить об одолжении. Взвешивая все «за» и «против», я топталась у двери в класс.

Не выберусь куда-нибудь с подружками – папа заключает. Врать нельзя, хотя прокатиться в Порт-Анжелес одной, чтобы спидометр показывал нужный километраж (на случай, если Чарли проверит), очень соблазнительно. Мать Джессики – первая сплетница в городе, рано или поздно Чарли с ней встретится и спросит о поездке. Нет, лучше не врать!

Тяжело вздохнув, я открыла дверь.

Мистер Варнер обжег мрачным взглядом: урок уже начался. Я поспешила к своему месту, а Джессика даже глаз не подняла. Как хорошо, что на подготовку у меня целых пятьдесят минут!

Матанализ прошел быстрее литературы; отчасти благодаря моим утренним усилиям, но в основном потому, что перед неприятными событиями время несется галопом.

Мистер Варнер отпустил нас на пять минут раньше. Я покачала головой, а учитель расплылся в довольной улыбке: разве он не молодец?!

Сморщившись, будто от невыносимой боли, я обратилась к подруге:

– Джесс!

Оглянувшись, девушка закатила глаза:

– Белла, неужели ты обращаешься ко мне?

– Конечно, – сделала я невинные глаза.

– В чем дело? Нужна помощь с матанализом?

– Нет, просто хотела спросить... Пойдем сегодня в кино? Мне срочно нужна женская компания. – Слова прозвучали неестественно, как заученные наизусть стихи, и Джессика подозрительно прищурилась:

– А почему меня приглашаешь?

– Потому что для девичника лучшей кандидатуры не найти! – улыбнулась я, надеясь, что получилось естественно. Хотя это почти правда: с Джесс – легче всего втирать очки Чарли.

– Ну, не знаю... – немного смягчилась Джессика.

– У тебя какие-то планы?

– Нет... Пожалуй, я с тобой пойду. Фильм уже выбрала?

– А что сейчас идет? – уклончиво переспросила я. Здесь надо быть очень осторожной... Так, какое кино в последнее время обсуждают одноклассники? Какие афиши висят по городу? – Может, про женщину-президента посмотрим?

– Белла, – искоса взглянула на меня Джессика, – этот фильм прошел три месяца назад!

– Правда? – нахмурилась я. – А у тебя есть предложения?

Как ни старалась подруга, естественную веселость скрыть не удавалось.

– Идет новая романтическая комедия, о которой сейчас столько пишут, – вслух рассуждала она. – Можно на нее сходить... А мой папа смотрел «Тупик», и ему очень понравилось.

«Тупик»? Какое подходящее название!

– Про что?

– Вроде про зомби. По словам папы, лучшая страшилка на свете.

– Здорово! – По-моему, лучше встретиться с настоящими зомби, чем смотреть про любовь.

– Ладно... – искренне удивилась Джессика. Разве мне раньше не нравились страшилки? Не помню... – Подождать тебя после уроков?

Робко улынувшись, подруга вышла из класса. Моя улыбка немного запоздала, но, кажется, она ее заметила.

Остаток дня пролетел незаметно. Все мысли о сегодняшней поездке. По опыту знаю: стоит разговорить Джессику и начнется словоизвержение – односложных ответов с моей стороны будет более чем достаточно.

Густая, окутавшая жизнь дымка творила настоящие чудеса. Не помню, как ехала домой, как открывала входную дверь... И хорошо: потерять счет времени – наилучший для меня вариант.

Открывая комод, я и не думала сражаться с дымкой – иногда оцепенение даже на пользу – и едва поняла, что передо мной, когда сдвинула влево кучу хлама.

Глаза не задержались на черном пакете, где лежали подарки со дня рождения, скользнули мимо магнитолы, выпиравшей из плотного полиэтилена, а память не желала воскрешать кровавое месиво, в которое превратились ногти, когда я вырывала ее из приборной панели.

Схватив сумку, я бросилась вон из комнаты и захлопнула дверь.

В тот же момент за окном засигналила машина. Может, если спешить, то и вечер пройдет быстрее?

Перед тем как открыть дверь, я глянула в большое зеркало и растянула губы в улыбке. Вот, пусть так и останется...

– Спасибо, что согласилась со мной поехать, – устроившись на пассажирском сиденье, сказала я, стараясь, чтобы в голосе звучала благодарность. Вообще-то я тщательно подбираю слова только при Чарли. С Джесс будет труднее: кто знает, какие чувства нужно изображать!

– Всегда пожалуйста! Лучше скажи, что на тебя нашло? – спросила Джесс, выезжая на шоссе.

– В каком смысле «нашло»?

– С чего ты вдруг решила... сходить в кино?

Судя по паузе, моя подруга перестроилась на ходу.

– Просто нужно развеяться, – пожалала плечами я. По радио крутили известный шлягер, и я машинально потянулась к ручкам. – Можно что-нибудь другое?

– Конечно, давай!

Пройдясь по нескольким станциям, я нашла вполне безобидную композицию и воровато глянула на подругу: как отреагирует?

– С каких пор ты слушаешь рэп? – удивленно прищурилась она.

– Ну, не знаю... некоторое время.

– И тебе нравится? – В голосе девушки звучало недоверие.

– Очень.

Как общаться с Джессикой, если даже за музыкой я слежу с огромным трудом? Я закивала головой, надеясь, что попадаю в такт с пульсирующим ритмом.

– Тогда ладно...

– Как дела у вас с Майком? – поспешно спросила я.

– Ну, ты сама с ним чаще видишься!

Почему-то, вопреки моим надеждам, вопрос не развязал ей язык.

– На работе особо не поговоришь, – буркнула я и попробовала снова: – Ты с кем-нибудь встречаешься?

– Как сказать... Иногда с Коннером, а пару недель назад гуляла с Эриком. – Джесс зажмурилась, и я почувствовала: настроение у подруги улучшается. Такой шанс просто нельзя упускать!

– С Эриком Йорки? Кто кого пригласил?

– Ясное дело, он меня! – закатив глаза, простонала Джессика. – Не знала, как отмазаться!

– Куда водил? – не унималась я, зная: моя настойчивость будет расценена как любопытство. – Давай, выкладывай подробности!

Девушка пустилась в долгий обстоятельный рассказ, а я откинулась на спинку сиденья. Теперь нужно внимательно следить за сюжетом, делать большие глаза, ахать и охать в зависимости от обстоятельств.

Закончив с Эриком, Джессика без всякого принуждения с моей стороны начала сравнивать его с Коннером.

Сеанс начинался рано, так что подруга решила: сначала кино, потом ужин. Я тут же согласилась: пусть делает что хочет, для меня главное – сбить с толку Чарли.

Пока шли анонсы и реклама, я вполуха слушала болтовню Джесс, но, когда начался фильм, не на шутку разволновалась. На экране парень с девушкой: идут по пляжу и с приторной слащавостью воркуют о своих чувствах. Страшно захотелось зажать уши и что-нибудь запеть. Я вовсе не на любовную историю рассчитывала!

– Мы ведь на страшилку собирались! – прошипела я подруге.

– Это и есть страшилка!

– Тогда почему никто никого не лопает? – в отчаянии спросила я.

– Подожди, сейчас начнется! – шепнула Джессика.

– Схожу за попкорном. Тебе принести?

Сидящие сзади возмущенно зашикали.

У киоска я намеренно тянула время и, поглядывая на часы, гадала, какую часть полуторачасового фильма потратили на сентиментальные сцены. Наверное, не более десяти минут, но лучше не спешить. Из зала послышались испуганные вопли и визг, и я поняла: пора.

– Ты пропустила самое интересное, – прошептала Джессика, когда я села на место. – Почти все уже превратились в зомби.

– В очереди стояла, – протягивая ведро с попкорном, пожаловалась я.

Теперь на экране одна за другой сменялись жуткие атаки зомби, сопровождаемые жалобными криками людей, число которых стремительно таяло. Казалось, ничем подобным меня не проймешь, но все равно было как-то не по себе, и я сначала не поняла почему.

Лишь в самом конце, когда изможденный зомби бросился за последней оставшейся в живых девушкой, я догадалась, в чем дело. Расстояние между охотником и добычей стремительно сокращалось, и на экране крупным планом мелькало то перепуганное лицо главной героини, то мертвое и неподвижное – ее преследователя.

Вылитая я... Все, сил моих нет дальше смотреть!

– Ты куда, осталось-то пара минут, не больше! – прошипела Джесс.

– Пить хочу, – ответила я, бросаясь к выходу.

Опустившись на скамейку возле кинотеатра, я изо всех сил старалась не думать о горькой иронии увиденного. А ведь в перспективе превратиться в зомби ирония, вне всякого сомнения, присутствует. Такое даже в голову не приходило!

Ну, вообще-то, в снах я превращалась в сказочное чудовище, но чтобы в живой труп – никогда. В панике я качала головой, пытаюсь отрешиться от ужасных мыслей. Нет, сейчас не время вспоминать сны!

Как жаль, что я уже не главная героиня и моя сказка закончилась...

Джессика вышла из кинотеатра и стала озираться по сторонам, пока не заметила меня.

– Ты что, ужасика испугалась?

– Угу, наверное, я дикая трусиха.

– Странно... – нахмурилась она. – Я-то весь фильм визжала, а твоего голоса даже слышно не было. Не понимаю, зачем ты ушла?

– Просто испугалась, – пожала плечами я.

Подруга немного успокоилась.

– Давно такой жути не видела... Все, кошмары сегодня гарантированы!

– Это точно! – с фальшивым жаром ответила я. Кошмары сегодня действительно будут, только не о зомби...

Джессика окинула меня удивленным взглядом. Неужели мой ответ прозвучал неубедительно?

– Где хочешь поужинать?

– Не знаю, все равно.

– Ладно.

Джесс начала рассказывать про молодого исполнителя главной роли: такой красивый, обаятельный, сексапильный... Удивительно, мне запомнились одни зомби.

Я не обращала внимания, куда ведет подруга, только почувствовала: стало темнее и тише, а почему воцарилась тишина, поняла лишь через непростительно долгое время – Джесс перестала болтать! Я сконфуженно заглянула ей в глаза: надеюсь, не обиделась?

Подруге было не до меня: напряженная, словно струна, она смотрела прямо перед собой и уже не шла, а бежала. Взгляд Джессики испуганно метался взад-вперед.

Так, нужно все-таки осмотреться.

Мы шагали по неосвещенному участку тротуара. Частные магазины и лавочки уже закрыты на ночь. Окна темные, лишь впереди, в квартале от нас, горели фонари и яркая вывеска «Макдоналдса» – туда и направлялась Джессика.

Через дорогу бар. Надо же, открыт! На окнах плотные жалюзи, а с внешней стороны неоновая реклама различных сортов пива. Самая большая вывеска ярко-зеленая, с названием бара «Одноглазый Пит». Интересно, в интерьере пиратская тематика как-то обыграна? Металлическая дверь была приоткрыта, внутри горел неяркий свет, доносились голоса. У двери стояли четверо мужчин.

Я оглянулась на Джессику: у той глаза прилипли к тротуару; вид не испуганный, а скорее просто осторожный. Понятно, старается не привлекать к себе внимание.

Чисто автоматически я посмотрела на четверых, чувствуя: где-то их уже видела. В другой раз и на другой дороге, но при сходных обстоятельствах. Один невысокий, темный, коренастый. Когда остановилась, он взглянул на меня с неподдельным интересом.

Словно окаменев, я безвольно подняла глаза.

– Белла! – прошипела Джесс. – Что ты делаешь?

Я неуверенно покачала головой.

– Кажется, мы с ними знакомы, – пролепетала я.

Что со мной? Нужно поскорее забыть, выбросить из головы воспоминания о четверых празднующихся... Почему же я застыла как в трансе?

Какое совпадение: я снова в Порт-Анжелесе, с Джессикой, на темной улице. Я прищурилась, пытаюсь сопоставить черты стоящего передо мной парня с воспоминаниями о хулигане, который напал на меня почти год назад. Интересно, смогу я точно определить, он это или нет? Та часть далекого вечера будто расплывчатое пятно... Оказывается, тело помнит лучше, чем душа: дрожь в ногах, когда решала бежать; сухость в горле, когда пыталась закричать; саднящее чувство, когда сжимала руки в кулаки; гусиную кожу, когда темноволосый крепыш назвал меня крошкой...

Парни источали вполне очевидную опасность, с той ночью никак не связанную. Они чужие, в чужом для нас городе, превосходят числом – вроде ничего особенного, но страшно, да так, что в испуганном вопле подруги слышалась паника:

– Белла, пойдем!

Я совершенно бездумно передвигала ноги. Как ни странно, смутная угроза, которую представляли те четверо, притягивала словно магнитом. Порыв совершенно бессмысленный, ничего подобного я уже несколько месяцев не испытывала.

В венах пульсировало что-то знакомое, наверное, адреналин разогревал кровь и пробивался сквозь толщу апатии. Странно: откуда адреналин, если страха нет? Я будто слышала эхо собственных шагов на пустынных улицах Порт-Анжелеса.

Чего мне бояться? Физической боли? Она мне давно не страшна. Вот один из немногих плюсов душевного потрясения.

Я переходила улицу, когда Джесс схватила меня за руку:

– Белла, в бар идти нельзя!

– Да, знаю, – отмахнулась я, – просто хочу проверить...

– Ты что, с ума сошла? – шепнула подруга. – Жить надоело?

Вопрос больно резанул по ушам, и я повернулась к своей спутнице.

– Нет, вовсе нет, – оправдывалась я и душой не кривила. На суицид я не способна; даже в самом начале, когда смерть казалась лучшим обезболивающим, подобных мыслей у меня не было. Я слишком многим обязана Чарли и не хочу причинять боль Рене.

А еще я обещала не совершать опрометчивых поступков. Наверное, поэтому еще дышу...

Вспомнив, что дала слово, я поморщилась от чувства вины, хотя то, что делала, в счет принимать не стоит. Не вены же себе вскрываю!

Вопрос Джесс был чисто риторическим, но я поняла это слишком поздно.

– Иди ешь! – велела я, махнув рукой в сторону «Макдоналдса». Эх, не нравится мне тяжелый взгляд подруги! – Буду через пять минут!

Я повернулась к парням, которые с любопытством на меня поглядывали.

– Белла, сейчас же прекрати!

Ноги так и примерзли к асфальту. Боже, это ведь не Джессика сейчас меня упрекает. Голос гневный, до боли знакомый голос, бархатно красивый даже в гневе.

Его голос – имя лучше не упоминать!.. Удивительно, как я не упала на колени и не забились в агонии на тротуаре. Однако никакой боли не было, вообще ничего...

Как только я услышала серебряный баритон, все сразу встало на свои места, будто из топкого болота вынырнула. Теперь воспринимались и свет, и звук, и холодный, обдувающий лицо ветер, и характерные запахи бара.

Вздвогнув, я огляделась по сторонам.

– Возвращайся к Джессике! – гневно приказал голос. – Ты же обещала: никаких глупостей.

Рядом никого: перепуганная Джесс с одной стороны улицы, парни – с другой, наверняка недоумевают, почему я застыла посреди проезжей части.

Так, нужно разобраться, что к чему: его ведь нет, а присутствие ощущается невероятно остро, совсем как... в момент расставания. В дрожащем от гнева баритоне ясно чувствуется тревога... боже, прошла уже целая вечность.

– Помни свое обещание... – Голос слабел, будто уменьшали громкость радио.

Неужели галлюцинации? Вызвали их в первую очередь воспоминания и странная схожесть ситуации.

Я быстро прикинула наиболее вероятные объяснения.

Вариант первый: я схожу с ума, ведь именно так обыватели говорят про тех, кто слышит голоса.

Вполне возможно.

Вариант второй: подсознание выдает желаемое за действительное – ему не все равно, жива я или нет; или подсказывает, как отреагировал бы он, если бы а) оказался рядом; б) за меня переживал.

Вполне возможно.

Третьего варианта я не видела и очень надеялась: это второй, то есть вырвавшееся из-под контроля подсознание, и мне не придется обращаться к психиатру.

Я старалась о нем не думать и поблажек себе не давала, однако, как у любого человека, у меня случались срывы. Хотя со временем становилось проще, и сейчас получалось соблюдать мораторий по несколько дней подряд. За скромные успехи приходилось расплачиваться всепоглощающей апатией – из боли и пустоты я выбирала пустоту.

Значит, сейчас вернется боль. Оцепенение спало, впервые за много месяцев дымка рассеялась, и чувства обострились до предела. Странно, я испытывала лишь разочарование из-за того, что голос стихал.

Пора решать.

Разумнее всего пуститься наутек от непредсказуемой, потенциально опасной и, главное, губительной для психики сцены. Зачем стимулировать галлюцинации?

Но серебряный баритон затихал; чтобы убедиться, я сделала шаг вперед.

– Белла, иди обратно!

Из груди вырвался вздох облегчения. За гневом скрывалось то, что мне хотелось услышать, – фальшивое, притянутое за уши подтверждение его участия, сомнительный дар моего подсознания.

Разобраться в себе удалось далеко не сразу. Немногочисленная публика застыла в ожидании. Наверное, со стороны кажется, что я не могу решить, переходить дорогу или нет. Откуда этим парням знать, что я наслаждаюсь неожиданным приступом безумия?

– Привет! – позвал один из них уверенно и даже слегка язвительно. Парень – очень светлый блондин с гладкой кожей, наверняка считает себя красивым. Возможно, так оно и есть, просто я слишком пристрастна.

Воображаемый голос ответил гневным воплем. Мои губы растянулись в улыбке, которую самоуверенный блондин принял за поощрение.

– Тебе помочь? Похоже, ты потерялась, – ухмыльнулся парень.

– Нет, я не потерялась.

Приблизившись, я всмотрелась в лицо коренастого. С глаз будто пелена спала: боже, парень мне совершенно незнаком! Какая жалость: это не он в прошлом году пытался меня обидеть!

Звучащий в подсознании баритон затих окончательно.

Коренастый перехватил мой взгляд.

– Хочешь выпить? – предложил он, польщенный, что я выделяю именно его.

– Мне только семнадцать, – тотчас соврала я.

Парень смутился, не понимая, что мне от них нужно.

Придется объяснять.

– Издалека мне почудилось, что мы знакомы. Извините.

Опасность, что притягивала меня, как магнит, мгновенно испарилась. Это не хулиганы, которых я помнила, а обычные ребята, безобидные, возможно, даже славные... Интереса как не бывало.

– Ничего страшного, – заверил блондин. – Оставайся, погуляем вместе.

– Простите, не могу.

Джессика так и стояла на тротуаре, гневно сверкая глазами. Наверняка чувствует себя преданной.

– Да ладно тебе, оставайся.

Покачивая головой, я вернулась к подруге.

– Пошли ужинать!

Пожалуй, в глаза сейчас ей лучше не смотреть. Про зомби я больше не вспоминала, но мыслями по-прежнему была очень далеко. Голова так и гудела: привычное немое оцепенение не возвращалось и с каждой минутой становилось все тревожнее.

– О чем ты только думала?! – не выдержала Джесс. – Какие-то незнакомые парни... Могли оказаться настоящими психопатами!

Я пожала плечами, надеясь, что она сменит тему.

– Мне показалось, что одного из них я где-то видела.

– Белла Свон, ты такая странная!.. Я совсем тебя не знаю!

– Извини...

Ну что тут еще скажешь?

Мы молча шли к «Макдоналдсу». Похоже, Джесс жалеет, что пошла пешком: гамбургеры можно было заказать прямо в машину, а окончания «культурной программы» она ждет еще больше, чем вначале я.

Во время ужина я несколько раз пыталась завести разговор, но Джесс упорно молчала. Видимо, сильно обиделась.

Когда мы наконец сели в машину, она поймала любимую станцию и прибавила громкость, наверное, чтобы я не докучала.

Что же, на этот раз отрешиться от музыки оказалось нетрудно. Привычная апатия исчезла, и на душе было слишком тревожно, чтобы вслушиваться в текст песен.

Я ждала, когда вернутся боль и оцепенение. Ведь боль обязательно вернется... Я нарушила свои личные правила и, вместо того чтобы бороться с воспоминаниями, шагнула к ним в объятия. А еще слышала голос, причем отчетливо... Даром мне это не пройдет, можно не сомневаться. И спасительную дымку не вернешь, а ведь в ней я была как в вате. Сейчас все чувства так обострены, что становится страшно.

Зато каждой клеточкой тела я чувствовала облегчение.

Конечно, я старалась не думать о нем, но и забывать совершенно не хотелось. Ночами, когда усталость и постоянная бессонница подрывали самооборону, я боялась, что воспоминания стираются. Вдруг моя память действительно сито, и в один прекрасный день я не смогу вспомнить оттенок его глаз, бархатистую гладкость кожи, тембр голоса... Думать об этом нельзя, а помнить нужно.

Для того чтобы жить, мне достаточно верить в то, что он существует. Остальное вполне можно вынести. Главное, чтобы на свете был он.

Поэтому я и застряла в Форксе, поэтому и взбеленилась, когда Чарли пригрозил отправить во Флориду. Если честно, это ничего не изменит: в наш город никто не возвращается. Но вдруг в Джексонвилле или в любом другом месте, ярком и незнакомом, воспоминания обернутся заурадной сказкой? Там, где ничто не напоминает о его существовании, уверенность может ослабнуть, а я... я этого не переживу.

Помнить нельзя, забывать страшно – рамки довольно узкие.

Я удивилась, когда Джессика притормозила возле моего дома. Обратная дорога показалась совсем короткой, но, как бы то ни было, я и не предполагала, что подруга сможет столько выдержать без единого слова.

– Спасибо, что поехала со мной, Джесс, – проговорила я, открывая дверцу. – Было очень... весело.

Надеюсь, «весело» – подходящее слово!

– Угу, – промычала девушка.

– Извини за то, что случилось... после кино.

– Все в порядке, – буркнула она, не сводя глаз с лобового стекла.

– Тогда до понедельника?

– Да, пока.

Видимо, ничего уже не исправишь...

Я захлопнула дверцу, и Джесс, ни разу не оглянувшись, укатила прочь.

Не успев зайти в дом, я тотчас забыла о ее существовании.

Чарли ждал в гостиной: руки скрещены на груди, настрой воинственный.

– Привет, папа! – рассеянно проговорила я и, шмыгнув мимо, поднялась по лестнице. Лучше спрятаться, прежде чем наступит возмездие.

– Где была? – требовательно сказал отец.

Я удивленно на него посмотрела:

– Мы с Джессикой ездили на фильм в Порт-Анжелес.

– Хм-м...

– Что-то не так?

Вглядевшись в мое лицо, папа удивился, будто заметил что-то неожиданное.

– Да нет... Хорошо повеселились?

– Не то слово! Смотрели, как зомби пожирают людей. Очень весело!

Чарли прищурился.

– Спокойной ночи, папа.

Сообразив, что опасность миновала, я поспешила к себе в комнату и уже через несколько минут пластом лежала на кровати – вернулась боль.

Ощущение, будто в груди сверлят огромную дыру, вырезают жизненно важные органы, оставляя глубокие раны, края которых потом долго пульсируют и кровоточат. Естественно, холодным рассудком я понимала: с легкими все в порядке, однако хватала ртом воздух, а голова кружилась, будто отчаянные попытки ни к чему не приводили. Сердце, наверное, тоже билось нормально, но пульса я не ощущала, а руки посинели от холода. Свернувшись калачиком, я обхватила колени руками, – казалось, так меня не разорвет от боли.

Куда девалось мое бесчувствие? Оцепенение?

И все-таки я поняла, что смогу выжить: боль чувствовалась с невероятной остротой – леденящая пустота растекалась из груди, посылая жуткие импульсы по всему телу, – но это было вполне терпимо. Я справлюсь. Это не та боль, что утихает со временем; скорее, я стану сильнее и приспособлюсь.

Случившееся сегодня – зомби, адреналин, галлюцинации – заставило меня проснуться.

Впервые за долгое время я не знала, чего ждать от наступающего дня.

Глава пятая

Клятвопреступница

– Белла, можешь идти домой, – предложил Майк, глядя не на меня, а куда-то вдаль.

Интересно, давно он так сидит?

В магазине Ньютонов затишье: всего два покупателя, судя по разговору – заядлые походники. Майк целый час обсуждал с ними плюсы и минусы легковесной экипировки. Но вместо того чтобы перейти к ценам, мужчины принялись потчевать друг друга охотничьими байками, да так увлеченно, что мой приятель ретировался.

– Если хочешь, останусь, – ответила я. В спасительное оцепенение вернуться по-прежнему не удавалось, а сегодня все звуки казались неестественно близкими и громкими, будто из ушей вытащили ватные тампоны. По крайней мере, нужно абстрагироваться от смеющихся туристов.

– Говорю тебе, – начал плотный мужчина с рыжей бородой, которая плохо сочеталась с темно-каштановыми волосами, – в Йеллоустоне я видел гризли совсем близко, но этому монстру они не чета! – Каштановые пряди перепутались, одежду будто несколько дней в рюкзаке продержали. Ясно, парень только что с гор.

– Ну уж нет, черные медведи такими крупными не бывают! Наверное, ты видел не взрослых гризли, а медвежат... – Второй турист высокий, поджарый, с загорелым, сильно обветренным лицом.

– Белла, серьезно, как только эти двое уйдут, я закрою лавочку, – пробормотал Майк.

– Ну...

– Он, даже не вставая на задние лапы, выше тебя! – настаивал бородач, когда я собирала вещи. – Огромный, как дом, черный, как смоль. Надо сообщить местному егерю, пусть предупредит людей: медведь-то был не в горах, а рядом с перевалочным пунктом.

Мужчина с обветренным лицом рассмеялся и закатил глаза:

– Попробую угадать: в тот день ты умирал от истощения, так? Не ел целую неделю и спал на земле?

– Эй, как тебя... Майк? – окликнул моего друга бородач.

– Давай, до понедельника, – быстро пробормотала я.

– Да, сэр! – обернулся к посетителю Ньютон.

– Слушай, в последнее время медведей в ваших краях не видели? Тревожных сигналов не поступало?

– Нет, сэр, но очень важно соблюдать разумную дистанцию и как следует прятать еду. Видели новую линию газовых баллончиков? Одна из серий как раз антимедвежья. При сравнительно небольшом весе...

Раздвижные двери выпустили меня под проливной дождь. Сгорбившись под курткой, я бросилась к пикапу. Звук падающих капель сводил с ума, но его скоро заглушил рев двигателя.

Чарли на работе, в пустой дом возвращаться не хотелось. Прошлая ночь была ужасной, и собственная комната теперь внушала стойкое отвращение. Даже когда притихшая боль позволила заснуть, мучения не закончились. Как сказала после фильма Джессика, кошмары теперь гарантированы.

Действительно, кошмары мучили ежедневно, точнее, не «кошмары» во множественном числе, а один и тот же кошмар. Казалось бы: за несколько месяцев он наскучит и перестанет беспокоить, однако жуткий сон мучил каждую ночь и заканчивался, только когда я с криками просыпалась. Чарли больше не приходил проверить, не душит ли меня какой-нибудь извращенец: он просто-напросто привык.

Другую девушку мой сон вряд ли бы напугал: в нем не было хватающих за горло маньяков, зомби или привидений; вообще никого не было. Лес, мшистые деревья и давящая на барабанные перепонки тишина. Темно, как в сумерках пасмурного дня, а света хватает только чтобы понять: вокруг пустота.

Не разбирая дороги, я брела через этот сумрак и искала, искала, искала; с каждой секундой теряла надежду, тем не менее бежала все быстрее, хотя то и дело спотыкалась и падала... А потом наступал момент – его приближение чувствовалось, но проснуться хоть немного раньше не получалось, – когда я не могла вспомнить, что ищу. Когда понимала: искать нечего, вокруг лишь пустой, убийственно унылый лес, где для меня ничего нет и никогда не будет.

Тогда из груди и вырывался крик.

Я не знала, куда еду, – просто кружила по пустынным сырым улицам, избегая тех, что вели к дому, потому что спешить было некуда.

Хотелось снова окунуться в оцепенение, но я разучилась входить в ступор. Кошмар терзал мой воспаленный мозг, заставляя думать о вещах, которые могли причинить боль. Нет, не желаю вспоминать лес!.. Увы, даже отгораживаясь от неприятных образов, я чувствовала: глаза наполняются слезами, а рана в груди начинает саднить. Оторвав руку от груди, я сжала ребра, словно боялась, что рассыплюсь.

«Ты сможешь жить полноценной жизнью, будто никогда меня не знала», – в ушах отдавалось эхо вчерашней ночи. Нет, в кошмаре голос звучал гораздо четче! По сути, просто набор слов, сухих, как газетная передовица. Обыкновенные слова – но вскрыли не успевшую затянуться рану...

Не в силах управлять машиной, я нажала на тормоз.

Лицо к рулю, дышать, дышать, дышать...

Господи, сколько же все это будет продолжаться?! Вдруг через несколько лет боль станет более-менее терпимой и я смогу вспоминать короткие месяцы, что всегда будут самыми счастливыми в жизни? Если такое случится, я мысленно поблагодарю его за время, которое он мне подарил, и дал больше, чем просила, больше, чем заслуживала. Господи, пусть случится именно так!

А если рана не заживет? Если края не стянутся? Если процесс необратим?

Плотнее, плотнее к рулю! «Ты сможешь жить полноценной жизнью, будто никогда меня не знала», – в отчаянии повторила я. Что за глупое невыполнимое обещание?! Можно выкрасть фотографии, забрать подарки, но ведь это не сделает жизнь такой, как до нашей встречи. Причем материальные проявления совершенно не важны. Я словно переродилась, душа изменилась до неузнаваемости, я даже выгляжу иначе. Лицо мертвенно-бледное, под черными глазами оставленные кошмарами круги; будь я красивее, сошла бы за вампира... Увы, со своей заурадной внешностью я скорее напоминала зомби.

Жить полноценной жизнью, будто никогда его не знала? Полнейший абсурд, обещание, которое он нарушил, не успев дать.

Бам! Бам! Бам! – головой о руль. Что угодно, только бы заглушить ужасную боль...

Вот дура, старалась держать слово! Какой смысл блюсти соглашение, сорванное другой стороной?! Кого волнуют мои глупые или опрометчивые поступки?! Можно сколько угодно быть хоть глупой, хоть опрометчивой!

По-прежнему плотая воздух ртом, я невесело рассмеялась: безрассудство в Форксе – это что-то на грани фантастики.

Немного черного юмора помогло отвлечься. Дыхание восстановилось, и я смогла откинуться на спинку сиденья. На улице холодно и ветрено, а у меня лоб в испарине!

Затея почти безнадежная, но сейчас просто нельзя поддаваться мучительным воспоминаниям! М-м-м, чтобы проявить безрассудство в Форксе, понадобится немало изобретательности...

Если нарушить договор, который так ретиво соблюдаю я одна, боль может отступить. Мне тоже пора стать клятвopеступницей! Только на что решиться в сонном, безопасном городишке? Конечно, Форкс не всегда был таким безопасным, зато сейчас полностью соответствует репутации глухой провинции: застой и беспросветная скука.

С минуту я апатично смотрела перед собой: мысли текли вяло, водоворотом кружась вокруг одной точки. Заглушив мотор, который от долгой работы вхолостую начал жалобно хрипеть, я вышла под холодную морось.

Дождь намочил волосы и, пресными слезами стекая по щекам, помог привести в порядок мысли. Протерев глаза, я стала тупо разглядывать дорогу.

Лишь через минуту удалось разобраться, где нахожусь: к северу от Рассел-авеню, перед домом Чейни, мой пикап загораживает подъездную аллею, а напротив живут Марксы. Так, пора убрать пикап с чужой территории. И домой пора. Хватит бродяжничать, в состоянии прострации по улицам Форкса лучше не кружить: кто-нибудь обязательно заметит и сообщит Чарли.

Глубоко вздохнув, я хотела вернуться в машину, когда на глаза попало объявление во дворе Марксов. Даже не объявление, а большой кусок картона, прислоненный к почтовому ящику, с нацарапанной черным маркером надписью.

Некоторые события в самом деле происходят по воле судьбы. Случайность – или так было предрешиено? Трудно сказать, но, по-моему, глупо считать дыханием фатума доисторические мотоциклы, мирно ржавевшие во дворе Марксов, и кособокое объявление «Продаю», даже если я нашла их в самый нужный момент.

Пожалуй, никакая это не судьба. Вероятно, существует тысяча способов безответственного поведения, а я только сейчас обратила на них внимание.

«Глупо и безответственно» – два любимых папиных эпитета для описания мотоциклов и тех, кто на них ездит.

По сравнению с копами из больших городов Чарли не слишком уставал на работе, но на дорожные происшествия выезжал нередко. Вечно сырое шоссе, что петляло через лес и изобиловало опасными участками, ни к чему другому не располагало. По счастью, даже с большим количеством летящих на полной скорости лесовозов смертельных исходов удавалось избежать. Исключение, как правило, составляли мотоциклисты, и Чарли видел немало жертв, почти всегда детей, практически размазанных по асфальту. Поэтому, едва мне исполнилось десять лет, он заставил меня поклясться, что я никогда не буду кататься на мотоцикле. Да и кто захочет здесь кататься?! Ощущения те же, что ехать под душем со скоростью шестьдесят километров в час!

Всю жизнь я только и делаю, что держу обещания...

В долю секунды я приняла решение: хочу быть глупой, безответственной и нарушать обещания. Так зачем останавливаться на одном?

О последствиях лучше не думать. Пока...

Поднявшись на крыльцо Марксов, я позвонила.

Открыл младший из сыновей, восьмиклассник, ростом мне по плечо. Как же его зовут?..

Мое имя парень, судя по всему, знал.

– Белла Свон? – удивился он.

– Почему мотоциклы? – хрипло спросила я, показывая на вывеску.

– Ты серьезно?

– Конечно!

– Они не на ходу!

Я нетерпеливо кивнула: глядя на объявление, догадаться было нетрудно.

– Сколько?

– Если нравятся, бери даром. Мама хотела, чтобы их выставили к мусорным бакам, а потом увезли с остальной рухлядью.

– Точно?

– Конечно! Спроси у мамы.

Взрослых лучше не привлекать, чтобы не сообщили Чарли.

– Я тебе верю.

– Помочь вынести? – предложил парень. – Они тяжелые.

– Да, спасибо! Вообще-то мне нужен только один.

– Забирай оба! Хоть на запчасти используешь.

Парень помог мне загрузить мотоциклы в пикап. Он был рад от них избавиться, и я спорить не стала.

– Что будешь делать с «харлеями»? Они ведь несколько лет не на ходу.

– Да уж ясно, – пожала плечами я: сиюминутный порыв в конкретный план еще не вылился. – Может, к Даулингу отвезу.

– После ремонта эта рухлядь золотой станет!

С этим не поспоришь. Цены у Джона Даулинга бешеные – к нему обращаются лишь в самом крайнем случае, люди предпочитают ездить в Порт-Анжелес, если, конечно, ситуация позволяет. В этом плане мне очень повезло: когда Чарли подарил древний пикап, я испугалась, что разорюсь на ремонте, но, за исключением стонущего двигателя и черепашьей скорости, никаких проблем не было. Когда «старичок» принадлежал Биллу Блэку, его сын Джейкоб следил за ним в оба.

Идея была похожа на удар молнии, что, учитывая погоду, казалось вполне логичным.

– Придумала! У меня есть друг, который здорово разбирается в машинах.

– Правда? Тогда хорошо.

Выезжая на шоссе, я увидела, как он машет рукой. Милый парень!

Апатии как не бывало: я на всех парах летела домой, надеясь приехать первой, даже если отец закончит пораньше. Едва переступив порог, бросилась к телефону. Трубку взял папин помощник.

– Пожалуйста, пригласите шерифа Свона! Это Белла.

– А, привет! – по-дружески воскликнул Стив. – Сейчас позову.

Пришлось подождать.

– Белла, что случилось? – без всякого приветствия спросил Чарли.

– Что-то обязательно должно случиться? Просто так и позвонить нельзя?

– Ну, – запнулся папа, – раньше ты не звонила. В чем дело?

– Ни в чем. Хотела спросить, как ехать к Блэкам. Не уверена, что правильно запомнила.

Решила проведать Джейкоба, а то мы сто лет не виделись!

– Отличная идея, Беллз! – искренне обрадовался Чарли. – Ручка есть?

Маршрут простой: найду в два счета, а к ужину вернусь. Отец уговаривал не спешить, мол, он сам готов приехать в Ла-Пуш, но это в мои планы не входило.

Времени в обрез, и я снова погнала пикап по темнеющим улицам. Чем скорее выеду из Форкса, тем больше шансов поговорить с Джейкобом наедине. Ведь Билли, если догадается, в чем дело, молчать не будет!

Внимательно следя за дорогой, я волновалась, какотреагирует на нашу встречу Блэк-старший. Небось скажет, что страшно за меня рад. Наверняка, по его мнению, все сложилось как нельзя лучше. Наблюдая за чужим ликованием, я не смогу не думать о том, кого решила не вспоминать. «Пожалуйста, только не сегодня!» – беззвучно взмолилась я. Сил никаких не осталось!

Дом Блэков такой же, каким помню с детства: небольшой, деревянный, а темно-красная краска делает его похожим на амбар. Джейкоб выглянул из окна еще раньше, чем я выбралась

из кабины. Конечно, по реву мотора догадался! Джейкоб был страшно рад, когда Чарли купил старый отцовский пикап и таким образом избавил от необходимости водить его после совершеннолетия. Меня-то такой транспорт вполне устраивал, а Блэку-младшему подавай скорость!

Парень бросился мне навстречу.

– Белла! – широко улыбнулся он; на фоне красноватой кожи зубы казались белоснежными. Волосы, обычно убранные в хвост, сегодня блестящим шелковым плащом обрамляли широкое лицо.

За последние восемь месяцев Джейкоб очень возмужал. Худенький мальчик окреп и превратился в высокого поджарого подростка. Под смуглой кожей играли внушительные бицепсы. Лицо такое же открытое и милое, но детская пухлость сошла, а скулы и квадратный подбородок будто талантливым резцом обточили.

– Привет, Джейкоб! – Улыбка согрела мое окоченевшее сердце, и я поняла, что и правда рада его видеть.

В душе будто замкнулась какая-то цепь. Я и забыла, как дорог мне Джейкоб Блэк.

Парень остановился в нескольких шагах, и, несмотря на дождь, я запрокинула голову, чтобы получше его рассмотреть.

– Ты снова вырос!

Широкая улыбка стала еще шире.

– Метр девяносто три! – гордо заявил молодой индеец.

– Останавливаться собираешься? – сокрушенно покачала головой я. – Надо же, вымахал...

– Настоящая жердь! – ухмыльнулся он. – Давай заходи, а то вымокнешь!

Джейкоб шел впереди. Р-раз – огромные ладони скрутили волосы и стянули резинкой.

– Папа, папа, – позвал он, распахнув входную дверь, – смотри, кто приехал!

В крохотной гостиной Билли читал книгу. Положив ее на колени, он ловко развернул кресло и покатил ко мне.

– Ну надо же... Белла, очень рад тебя видеть!

Мы пожали друг другу руки, и моя утонула в огромной смуглой ладони Билли.

– Зачем пожаловала? С Чарли все в порядке?

– Да, в полном! Просто захотела навестить Джейкоба, мы сто лет не виделись.

Темные глаза Блэка-младшего радостно заблестели.

– На ужин останешься? – гостеприимно предложил Билли.

– Нет, вы же знаете, нужно кормить Чарли.

– Я позвоню ему, в нашем доме твоему отцу всегда рады.

– Ну, не в последний же раз приехала! – пытаюсь скрыть неловкость, засмеялась я. – Обещаю, буду приезжать так часто, что надоем вам обоим!

Конечно, Джейкобу придется починить мотоцикл и научить меня на нем ездить.

– Ладно, в следующий раз, – усмехнулся Билли.

– Белла, так чем займемся? – поинтересовался парень.

– Чем угодно! Что ты делал до моего приезда?

Удивительно, как спокойно мне у Блэков: что-то среднее между «дома» и «в гостях», никакие воспоминания не тревожат.

– Вообще-то, – неуверенно начал Джейкоб, – собирался заняться машиной, но можно придумать что-то другое...

– Нет, ни в коем случае! – перебила я. – С удовольствием взгляну на твою машину.

– Ладно... – Парень мне явно не поверил. – Она в гараже.

«Вот и чудесно!» – подумала я и помахала рукой Билли:

– До скорого!

Между домом и гаражом кусочек настоящего леса: деревья, кустарник, густая трава. Сам гараж переоборудован из двух больших, поставленных встык сараев, внутри которых снесли все перегородки. В нем на шлакобетонных блоках стоял вполне исправный на вид автомобиль. Я даже логотип узнала!

– Это ведь «фольксваген»?

– Да, модель «Рэббит» тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, классика.

– Уже на ходу?

– Почти! – радостно воскликнул Джейкоб, а потом чуть слышно прошептал: – Папа сдержал слово... ну, то, что весной дал.

– А-а... – протянула я.

Похоже, Джейкоб понял мое нежелание развивать эту тему. Танцы, посвященные окончанию учебного года, я старалась не вспоминать. Пообещав денег на столь желанные запчасти, отец Джейкоба заставил его провести со мной разъяснительную беседу. Билли Блэк хотел, чтобы я держалась подальше от самого дорогого человека на свете. Эх, зря он беспокоился: вот как все получилось, теперь мы с ним дальше некуда...

Нет, тему нужно обязательно сменить!

– Ты в мотоциклах разбираешься?

– Немного, – пожал плечами Джейкоб. – У моего приятеля Эмбри мотоцикл, и порой мы его вместе чиним. А в чем дело?

– Ну... – задумчиво поджала губы я. Сможет ли он держать язык за зубами? Впрочем, других вариантов у меня нет. – Недавно купила пару «харлеев» далеко не в лучшем состоянии... Ты не сумеешь их починить?

– Круто! – Джейкоб обожает сложные задачи. – Попробую!

– Есть одно «но», – предостерегающе подняла я палец. – Чарли мотоциклы не жалует. У него инфаркт случится, узнай он о моем приобретении! Так что Билли говорить нельзя.

– Да уж, да уж... – улыбнулся Джейкоб, – понимаю.

– Я заплачу...

– Нет, никаких денег! – обиделся он. – Я же помочь хочу, по-дружески...

– Тогда давай договоримся. Из двух мотоциклов мне понадобится только один, а к нему уроки вождения. Второй забереешь ты и научишь меня ездить. Ну как, согласен?

– Здорррово! – В слове прозвучало как минимум три «р».

– Кстати, а водить-то тебе можно? Когда день рождения?

– Ты благополучно его пропустила! – Изображая гнев, Джейкоб сузил глаза. – Мне уже шестнадцать!

– Можно подумать, возрастное ограничение играло для тебя хоть какую-то роль, – пробормотала я. – Извини, что не поздравила!

– Ничего страшного, я тоже пропустил твой праздник. Сколько тебе стукнуло, сорок?

– Почти! – фыркнула я.

– Давай устроим вечеринку и отметим два дня рождения сразу!

– На свидание приглашаешь?

При заветном слове темные глаза вспыхнули. Все ясно: пора сбавить обороты, зачем подавать мальчику пустые надежды? Давно я не была такой живой и беззаботной, даже забыла, как себя контролировать!

– Может, отметим, когда мотоцикл будет готов? – осторожно предложила я.

– Договорились! Ну, когда привезешь стальных коней?

Смутившись, я закусила губу.

– Вообще-то они уже в пикапе...

– Отлично! – совершенно искренне воскликнул Джейкоб.

– А если Билли увидит нас с мотоциклами?

– Будем осторожны, – подмигнул Джейкоб.

Огибая гараж с востока, мы старались не выходить из-за деревьев и в то же время двигаться как можно естественнее. Кто знает, вдруг Билли смотрит на нас в окно?

Джейкоб быстро выгрузил мотоциклы и по одному подкатил к кустам, где пряталась я. Невероятно, даже не устал, а ведь «харлеи» довольно тяжелые!

– Не такая уж и рухлядь, – объявил Блэк, когда мы толкали стальных коней к деревьям. – Например, этот после ремонта можно будет неплохо продать: перед тобой древний «харлей-спринт»!

– Он твой.

– Ты серьезно?

– Абсолютно!

– Хотя вложения здесь потребуются... – Нахмурившись, парень смотрел на почерневший металл. – Нам придется копить на запчасти.

– «Нам» ничего не придется, – покачала головой я. – Я заказываю ремонт – значит, и запчасти покупаю я.

– Ну, не знаю... – пробормотал Джейкоб.

– У меня есть кое-какие сбережения. На колледж копила...

Подумаешь, колледж! На нормальное место все равно не хватит, да и из Форкса уезжать не хочется. Ну, потрачу немного, разве страшно?

Джейкоб согласно кивнул: по его мнению, очень разумно.

Пока мы переносили мотоциклы в гараж, я думала: как мне повезло. Только подросток согласился бы чинить древние, неизвестно где купленные мотоциклы тайком от родителей на деньги для колледжа.

Глава шестая

Друзья

Мотоциклы даже прятать не пришлось: мы просто перетащили их в гараж. Билли на его инвалидной коляске по заросшим высокой травой кочкам ни за что не пробраться!

Красный «харлей» – тот, что предназначался для меня, – Джейкоб начал разбирать незамедлительно, а чтобы я не сидела на земле, открыл пассажирскую дверь «Рэббита». Во время работы парень трещал без умолку, так что для поддержания разговора вполне хватало «ага» и «угу». Пришлось выслушать подробнейший отчет о школе, любимых предметах и двух приятелях.

– Квил и Эмбри? – перебила я. – Необычные имена...

– Квил – имя семейное, а Эмбри назвали в честь какого-то актера. Подробностей не знаю, парни просто звереют, когда им задают подобные вопросы, любого в фарш готовы изрубить.

– Хорошие у тебя друзья! – изогнула я бровь.

– Они правда классные, если не доставать с именами.

В ту самую минуту послышался низкий мужской голос:

– Джейкоб!

– О нет... – простонал парень; несмотря на смуглую кожу, было видно, как щеки заливают румянец. – Легок на помине...

– Джейк, ты здесь? – Теперь голос звучал куда ближе.

– Да, да! – тяжело вздохнув, ответил мой приятель.

Повисла неловкая пауза, и в гараж вошли два высоких смуглых парня. Один ростом почти с Джейкоба, гладкие черные волосы разделены на прямой пробор, с левой стороны одна прядь убрана за ухо. Второй чуть пониже и крепче, белая футболка растянута на широкой мускулистой груди, а волосы такие короткие, будто их стригли машинкой.

Увидев меня, оба замерли, потом тот, что повыше, насмешливо глянул на нас с Джейкобом, а крепыш улыбнулся.

– Привет, ребята! – без особого восторга проговорил Джейкоб.

– Привет, Джейк! – не сводя с меня взгляда, отозвался коренастый. В темных глазах плясали бесенята, и мне пришлось улыбнуться в ответ. – Привет! – подмигнул он.

– Квил, Эмбри, это моя подруга Белла.

Кто есть кто – неизвестно, но парни многозначительно переглянулись.

– Дочка Чарли? – протягивая руку, спросил крепыш.

– Да, верно, – сжимая его ладонь, кивнула я.

– Я Квил Атеара, – церемонно представился крепыш, выпуская мою руку.

– Рада знакомству, Квил!

– Привет, Белла! Я Эмбри, Эмбри Колл, хотя ты, наверное, уже сама догадалась. – Пома-хав рукой, Эмбри спрятал ее в карман джинсов.

– Приятно познакомиться, – кивнула я.

– Чем вы тут занимаетесь? – внимательно меня разглядывая, поинтересовался Эмбри.

– Так, мотоциклы чиним... – неопределенно ответил Блэк, но слово «мотоциклы» произвело воистину волшебный эффект. Парни принялись изучать мою рухлядь, буквально забросав Джейкоба ценными советами. Половину слов я слышала впервые; наверное, нужно обла-дать Y-хромосомой, чтобы понять их переживания.

Обсуждение запчастей шло полным ходом, когда я поняла: пора домой, пока сюда не заявился Чарли, и, тяжело вздохнув, выбралась из кабины «Рэббита».

– Белла, тебе, наверное, скучно, – извиняющимся тоном проговорил Блэк.

– Да нет, – покачала я головой. Мне на самом деле было хорошо. – Просто нужно готовить ужин Чарли.

– А-а, ясно... Сегодня разберу твоего коня и посмотрю, какие запчасти понадобятся. Когда планируешь снова им заняться?

– Может, завтра? – Никто не знал, как я ненавидела воскресенья! Домашних заданий всегда не хватало, и спастись от меланхолии не получалось.

Квил толкнул Эмбри локтем, и оба ухмыльнулись.

– Вот здорово! – просиял Джейкоб.

– Если составишь список, можно будет закупить все необходимое, – предложила я.

Мой приятель помрачнел:

– Не уверен, что позволю тебе платить...

– Брось! Мы же договорились: с меня – деньги, с тебя – знания и сноровка!

Эмбри закатил глаза:

– Джейк, обратись я к механику, представляешь, сколько бы с меня содрали?

– Ладно, твоя взяла, – улыбнулся парень.

– Не говоря уже об уроках вождения! – добавила я.

Теперь Квил подмигнул Эмбри и что-то прошептал. Я не разобрала, зато разобрал Джейкоб и треснул приятеля по затылку.

– Пошли вон! – прошипел он.

– Нет, это мне пора! Давай, до завтра.

– Та-да-да-дам! – нестройным хором пропели Квил и Эмбри, едва за мной закрылась дверь.

Послышался характерный шум драки, прерываемый эпизодическими «ах!» и «ох!».

– Увижу завтра хоть одного из вас на моей земле... – грозно начал Джейкоб. Конца фразы я уже не слышала, быстро шагая к пикапу.

Я сдавленно захихикала и изумленно подняла брови: надо же, стою одна-одинешенька в лесу и ухмыляюсь! Чувствуя себя легкой, почти невесомой, я засмеялась снова: было бы так всегда!

Домой я приехала первой и, когда Чарли переступил порог, уже снимала со сковороды жареного цыпленка.

– Привет, папа!

От потрясения лицо Чарли превратилось в маску, но он быстро взял себя в руки.

– Привет, милая! – неуверенно промолвил он. – Ну, как было у Джейкоба?

– Отлично! – накрывая на стол, ответила я.

– Вот и славно. – В папином голосе до сих пор слышалась настороженность. – Чем занимались?

Теперь пришла моя очередь осторожничать.

– Сидели в гараже: Джейк работал, я смотрела. Ты знал, что он собирает «фольксваген»?

– Да, Билли вроде говорил.

Во время ужина допрос прекратился, но, даже поглощая цыпленка, Чарли подозрительно на меня поглядывал.

После ужина папа ушел смотреть хоккей, а я с особой тщательностью вымыла посуду и протерла пол в кухне, а потом прямо в гостиной засела за домашнюю работу. Тянула резину, как могла, однако через пару часов Чарли объявил, что уже поздно. Я не ответила, и он встал и потушил свет. Делать нечего, придется идти к себе...

Взбираясь по ступенькам, я чувствовала, как остатки сегодняшней эйфории покидают меня, уступая место безотчетному страху: как жить дальше?

Оцепенение прошло, значит, наступающая ночь будет такой же ужасной, как вчерашняя. Забравшись в постель, я свернулась клубочком: сейчас начнется. Покрепче зажмурилась... а когда открыла глаза, было уже утро.

В полном изумлении я смотрела на серебристый, струящийся из окна свет.

Впервые за четыре с лишним месяца я спала без сновидений. Без криков и кошмаров... Неужели все прошло? Даже не верится.

Пару минут я и пошевелиться не решалась: сейчас, сейчас все вернется... Если не боль, так оцепенение. Я ждала, ждала, но ничего так и не случилось... Уже давно я не чувствовала себя такой отдохнувшей!

Нет, так долго продолжаться не может: я балансирую на краю пропасти, одно движение – и сорвусь вниз. С глаз словно пелена спала, и комната казалась чужой, слишком аккуратной, будто в ней жил кто-то другой.

Хватит об этом! Нужно собираться, сегодня я снова увижу Джейкоба! Эта мысль наполнила... чуть ли не надеждой и радостью! Вдруг все будет, как вчера? Вдруг не придется через силу улыбаться и время от времени кивать, как я делаю, общаясь со всеми остальными? Вдруг... Нет, на это рассчитывать не стоит! Не стоит ждать, что вчерашняя эйфория получит продолжение! Лучше так, чем потом умирать от разочарования.

За завтраком Чарли не терял бдительности: старательно прятал свой пронизывающий взгляд, делая вид, что его интересует яичница с беконом.

– Ну, какие планы на сегодня? – спросил он, внимательно разглядывая манжеты: дескать, мой ответ не так важен.

– Снова собираюсь к Джейкобу.

– Угу, – не поднимая глаз, кивнул папа.

– Не возражаешь? Вообще-то могу и остаться...

– Нет, что ты, что ты! Езжай! Ко мне придет Гарри, будем бейсбол смотреть!

– А может, Билли пригласите? Гарри мог бы его забрать...

Конечно, чем меньше свидетелей, тем лучше!

– Чудесная идея!

Не знаю, в бейсболе дело или нет, но папе не терпелось выставить меня из дома. Пока он договаривался по телефону, я надела плащ и с некоторым опасением положила в карман чековую книжку. Никогда раньше ею не пользовалась...

На улице лило как из ведра. Из-за ужасной видимости ехать пришлось куда медленнее, чем хотелось. Наконец грязная, затопленная дождем дорога привела к дому Блэков. Не успела я заглушить двигатель, как навстречу выбежал Джейкоб с большим черным зонтом.

Р-раз – и зонт раскрылся над моей головой.

– Чарли звонил, что ты выехала, – ухмыльнувшись, пояснил он.

Без всякой натуги и усилия мои губы растянулись в улыбке, а внутри стало неожиданно тепло, хотя по лицу хлестали мелкие холодные капли.

– Привет, Джейкоб...

– Молодец, что помогла вытащить из дома Билли! – Он приветственно поднял руку, и мне пришлось подпрыгнуть, чтобы дотянуться до его ладони. Джейк захохотал.

Буквально через несколько минут приехал Гарри. Выпроводив отца, Блэк-младший провёл меня в маленькую гостиную, где теперь можно было спокойно разговаривать.

– Ну, господин механик, с чего начнем? – спросила я, едва вдали затих гул автомобиля Гарри.

Джейкоб достал из кармана сложенный вчетверо листок.

– Начнем с рейда по городской свалке, вдруг повезет? – разглаживая бумагу, предложил он. – Иначе получится довольно дорого. Чтобы привести этих красавцев в божеский вид, пона-

добятся солидные вложения. – Наверное, вид у меня был совсем безрадостный, потому что Джейк поспешно уточнил: – Больше сотни...

Вздохнув с облегчением, я прошелестела перед его носом чековой книжкой:

– Ничего, пробьется!

Странный получился день. Мне было очень хорошо даже на свалке, по колено в грязи и под проливным дождем. Возможно, так случается, когда приходишь в себя после многомесячного оцепенения, но вряд ли дело только в этом.

Скорее, объяснение нужно искать в Джейкобе. И не в том, что он искренне радовался моему присутствию. Секрет – в его характере: бесконечно влюбленный в жизнь, он буквально излучал счастье и охотно делился им с окружающими. Слово солнце, Джейкоб обогрел каждого, кто попадал в зону его притяжения, причем делал это совершенно искренне, без капли притворства. Неудивительно, что я с таким нетерпением ждала очередной встречи!

Даже заметив брешь в приборной панели, он отреагировал так, что мне не пришлось биться в панике:

– Магнитола сломалась?

– Да, – соврала я.

Джейк внимательно осмотрел зияющую дыру:

– А кто снимал? Никакого уважения к технике!

Пришлось признаться:

– Я...

– По-моему, тебя не стоит допускать к мотоциклам! – захихикал он.

– Ничего, справлюсь!

На свалке, похоже, нам очень повезло. Особый восторг Джейкоба вызвали несколько почерневших от масла деталей. Невероятно, откуда он знает, для чего предназначается каждая из них?!

Далее по плану – «Чекер», магазин запчастей в Хоквиаме. На пикапе в соседний городок ехать часа два, но с Джейкобом время летело быстро и незаметно. Он увлеченно рассказывал о друзьях и школе, и неожиданно для себя я начала задавать вопросы, причем не из вежливости, а потому, что заинтересовалась.

– Я тебя, наверное, до смерти заболтал! – посетовал парень после длинной, но необыкновенно занимательной истории о том, как Квила угораздило пригласить на свидание подружку одного из местных хулиганов. – Теперь твоя очередь! Как живут в Форксе? Небось поинтереснее, чем в Ла-Пуш.

– Не-ет, – вздохнула я. – Ничего особенного у нас не происходит, а твои друзья такие классные! Один Квил чего стоит!

– По-моему, у вас с Квиллом взаимно, – нахмурился Блэк.

– Да он мне в сыновья годится! – засмеялась я.

– Не в такие уж и сыновья: разница всего полтора года... – Джейк скис еще сильнее.

Ну, все, Квила больше обсуждать не будем...

– Знаешь, учитывая, что девушки взрослеют раньше парней, каждый год идет за семь! – невинно поддела я. – Так что получается, насколько я старше? На двенадцать лет?

Джейкоб покатылся от хохота:

– Ладно, но если вдаваться в детали, то нельзя забывать и разницу в габаритах! Ты такая кроха, что из двенадцати лет нужно вычесть десять.

– Метр шестьдесят – средний женский рост! – фыркнула я. – Это ты настоящий акселерат!

Непринужденная болтовня не утихла до самого Хоквиама. Мы спорили, как правильно вычислять возраст, – я потеряла еще два года за то, что не умею менять колеса, зато вернула один назад, потому что веду домашнюю бухгалтерию, – пока не остановились у «Чекера».

Мгновенно посерьезнев, Джейкоб нашел почти все детали из списка, а потом шутил, что с таким уловом ремонт пойдет семимильными шагами.

К возвращению в Ла-Пуш мне было двадцать три, а Блэку – тридцать: полезные умения и навыки прибавили ему очков.

Нет, я не забыла, с какой целью все это затеяла. Неожиданная эйфория не изменила моих планов: я твердо решила нарушить данное слово. Какой смысл соблюдать соглашение в одиночку? Ну а приятное общение с Джейкобом – неожиданный бонус.

Билли еще не вернулся, так что добычу мы выгружали не таясь. Когда все детали были выложены на пластиковый пол рядом с инструментами, мой друг принялся за работу, продолжая потчевать меня интересными историями, а его опытные пальцы тем временем ощупывали каждое наше приобретение.

Какие удивительные у него руки! Сильные, крупные, а с самыми тонкими операциями справляются без труда. Во время работы Джейк кажется чуть ли не грациозным, хотя обычно грация и огромный рост – понятия несовместимые: вот я далеко не великанша, а ужас какая неловкая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.